

Литературно-художественный альманах

Курган. Текст

1/2021

27 Авг 2018

Литературно-художественный
альманах

КУРГАН. ТЕКСТ

1/2021

Курган
2021

Литературно-художественный
альманах

КУРГАН. ТЕКСТ

Главный редактор

Рухлов А. В.

Редакционная коллегия:

Дорофеева Л. Е

Жукова И. М.

Кулакова С. И.

Портнягин В. И.

Прокопьева Т. Н.

Филимонов В. И.

Корректор:

Игнатова Н. Ю.

Верстка:

Пеганова Т. А.

Дизайн обложки:

Прожога Ю. А.

Подписано в печать 22.11.2021

Формат 70x100/16.

Бумага офсетная.

Гарнитуры Spectral, Myriad Pro.

Печать офсетная.

Тираж 500 экз.

Заказ № 4185

Отпечатано в ООО «Курганская
городская типография»,
640018, Курганская обл.,
г. Курган, ул. Куйбышева, д. 87
kurgancityprint@mail.ru

Издание альманаха осуществляется при
финансовой поддержке Администрации
города Кургана

Рукописи принимаются на электронную почту редакции. Каждая рукопись внимательно рассматривается. Связь с авторами осуществляется только при положительном решении редакционной коллегии. Рукописи не возвращаются и не рецензируются, в переписку по их поводу редакция не вступает. Альманах оставляет за собой право публиковать присланные произведения в журнальном варианте. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Адрес редакции:

640000, г. Курган, ул. Пролетарская, 41

8 (3522) 23-28-42

kurgantext@mail.ru

ISBN 978-5-906602-40-4

© МБУК «Библиотечная
информационная система
г. Кургана», 2021

© Администрация
города Кургана, 2021

Содержание

Приветственное слово главы города Кургана.....	5
Вступительное слово редактора.....	6

01 Поэзия

Екатерина Пермякова.....	7
Марина Перова.....	15
Ксения Курьева.....	22
Александр Рухлов.....	29

02 Проза

Виктор Потанин. Рассказы.....	35
Алексей Захаров. «Тугун. Победитель двух солнц». Фрагмент романа.....	48

03 Дебют

Мария Бородина. Рассказы.....	64
Кирилл Меньщиков. Стихи.....	66
Владислав Ушаков. «Гитарист». Рассказ.....	69
Виктория Беспалова. Рассказы, стихотворение.....	71

04 Краеведение

Александра Васильева. «Футурист Бурлюк в Кургане».....	76
Николай Толстых. «В Таврическом дворце заседал и выступал дед поэта Леонида Куликова».....	85

05 Критика

Ирина Жукова. «А. Захаров «Тугун. Победитель двух солнц».....	96
---	----

06 Публицистика

Валерий Портнягин. «Чествую ныне я богоподобный процессор». Интервью с художником цифровой ориентации».....99

07 Искусство

Светлана Кулакова. «Метакурган» Юрия Прожоги. Заметки искусствоведа.....106

О редколлегии116

Дорогие друзья!

Вы держите в руках уникальное издание — первый выпуск городского литературно-художественного альманаха «Курган. Текст».

Идея его создания родилась в марте 2021 года. На заседании городского экспертного совета по издательской деятельности мы рассматривали пришедшие к нам рукописи и обсуждали планы на текущий год. Тогда я предложила создать городской литературно-художественный альманах, в котором бы молодые и начинающие курганские литераторы могли публиковать свои произведения. Эта идея получила единогласное одобрение. Затем мы её доработали, создали редакционную коллегию. И вот спустя несколько месяцев увидел свет первый номер литературно-художественного альманаха.

В первый выпуск альманаха «Курган. Текст» наряду с произведениями наших именитых авторов вошли поэтические подборки молодых курганских поэтов, литературные дебюты. В своих произведениях авторы размышляют о реалиях современности, пытаются разобраться в себе, делятся своими детскими эмоциями и впечатлениями, рассказывают о близких и родных людях, признаются в любви своему городу, повествуют о деревенских жителях, рассуждают о смысле жизни и вечных вопросах бытия.

Каждый пишущий человек, будь то поэт, прозаик, публицист, надеется, что будет услышан, а труд его будет оценен. Именно такую возможность даёт наш альманах курганским литераторам, и это, на мой взгляд, очень ценно и важно.

Что ещё хотелось бы отметить. Для Кургана это абсолютно новый проект, поскольку ранее город никогда не издавал литературно-художественных альманахов.

Я благодарю всех, кто помог воплотить нашу идею в жизнь. Желаю всем интересного чтения, авторам — вдохновения, новых творческих успехов, а самому проекту — долгих лет жизни.

В добрый путь!

*Елена Ситникова,
Глава города Кургана*

Слово редактора

Какая она — современная молодая литература? Кто они — молодые писатели и поэты?

Пожалуй, именно на эти два вопроса и должен дать ответы альманах «Курган. Текст».

Может быть, кому-то это покажется удивительным, но литература в столице нашей области есть! В том числе и молодая литература.

Уже вполне состоявшимся автором можно назвать Марину Перову. Активно участвует в деятельности Курганского регионального отделения Совета молодых литераторов и постоянно творчески растёт Екатерина Пермякова. В постоянном творческом поиске и стремлении к саморазвитию в разных видах искусства пребывает Ксения Курылева.

Для некоторых авторов альманаха эта публикация стала дебютной. Да, может быть, искушённый читатель увидит в творчестве молодых некоторые огрехи и шероховатости. Однако редакция надеется, что обретение своего собственного слова в печатном виде, да ещё и в соседстве с такими известными и уважаемыми литературными именами, как Алексей Захаров, Валерий Портнягин и, конечно же, Виктор Потанин, станет для дебютантов мощным импульсом к творческому развитию и научит ощущению ответственности за произнесённое слово.

Отмечу, что для редакции очень важно не только познакомить читателей с текстами курганских писателей и поэтов, но и рассказать о Кургане. Материалы Светланы Кулаковой и Валерия Портнягина о курганском художнике Юрии Прожогге помогают посмотреть на родной и давно знакомый город под новым, непривычным углом.

Кстати, первый номер альманаха стал дебютным и для меня — впервые работаю в статусе главного редактора. Хочется верить, что дебют будет удачным — и для авторов, и, конечно же, для читателей.

Приятного чтения!

*Александр Рухлов,
главный редактор альманаха «Курган. Текст»*

Екатерина
Пермякова

Екатерина Пермякова родилась и живет в Кургане.

Член Курганского регионального отделения Совета молодых литераторов. Участник IV Всероссийского совещания молодых литераторов в Химках в 2021 году. Становилась победителем фестивалей и конкурсов: областного конкурса «Слово о Человеке Труда», московского межрегионального поэтического конкурса «Россия — Земля моя!», Всероссийского открытого литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник», межрегионального фестиваля-конкурса «Поэтическая весна в Пречистом крае» им. В. В. Мутина, фестиваля медиа-поэзии «Отголоски» и т.д.

В 2021 году в Германии была отмечена дипломом «За мастерство».

Стихотворения публиковались в альманахе «Тобол», журналах «Странник», «Ротонда», «Александръ», «Формаслов», «Бельские просторы», «Чаша круговая» и др., а также коллективных сборниках по итогам конкурсов, проводившихся в Москве, Екатеринбурге, Кургане, Новосибирске, на Сахалине и т.д.

Стихи звучат на «Радио России-Курган», «Радио за облаками».

«МЁД ОСЕНИ НА ЛИСТЬЯХ И ГУБАХ...»

— ПИСЬМО ВЕСНЕ —

Пишу письмо каплей звонкой,
Водой подчеркиваю знаки,
Вишу сосулькой гладко-тонкой
Под свист скворца, под лай собаки.

Томлюсь в лучах, где снега мало,
Встречаю птиц лихие стаи.
Сказали, мол, весна настала,
И вскоре я совсем растаю.

Спешу привет весне отправить
От зимней стужи, белой вьюги,
А подо мной от текста наледь,
И чаще-чаще каплей звуки.

Стекаю вниз, упорно строки
Я шлю тебе, Весна, прочти же!
И обсуждают две сороки,
Как я пишу письмо под крышей.

———— ИЮНЬ ————

Звенит сегодня день с утра,
В окошках солнечные кольца,
На самокатах детвора
Задорно с криками несётся.
Теплом расщедрился июнь,
Расцвёл, благоухая сладко,
Сияет отблеском лазурь
На небе простынёю гладкой.
А я гуляю налегке,
Поёт душа заветной птицей.
Как хочется зажать в руке
Кусочек лета, с ветром слиться
И понестись, нарвав с лихвой
Ромашек, смоченных росой,
И поцелуй горячий твой
Смешать с июньскою зарёю.

— ОСЕННИЙ ЛЕС —

Зашептались осенью березки,
Незаметно листья побросав,
Выстилают бережно подмости
Золотистых, вековых дубрав.
Обмякают под водой небесной
Трухлые, морщинистые пни,
И приятной сыростью древесной
Дух лесной заманчиво пленит.
На опушке заблестит опёнок
Мокрой шляпкой под косым лучом,
Что так призрачен, прозрачно тонок,
Средь осенней хмари невесом.
Обнимают ласково туманы
По утрам белёсой пеленой,
И роса прохладная на травах
Красится багровою зарёй.

———— ОКТЯБРЬ ————

Мёд осени на листьях и губах,
В прозрачно-леденцовых переулках,
Любимый город сладостью запах
И затаился в одиночных звуках.
Октябрь разлеился, разомлел,
Играя в волосах янтарной лапой,
Оставил дождь и холод не у дел
И подружился с парком конопатым.
В реке искрился тихой водой,
Под каблуками пел прохожим песни,
Лучами по старинной мостовой
Выписывал узоры легковесно.
И мне даря согретую стрелу
Из летних, вдохновляющих отрезков,
Стекал закатом нежно по стеклу
И рассыпался в глубине небесной.

— ЗИМНИЙ КУРГАН —

Курган. Теперь темнеет рано,
Чуть вечер — вновь густая мгла,
Машин уставших караваны
Плутают по седым дворам.
Глазеют окнами высотки,
Дверьми подъездными ворчат,
На кухне, в дымной сковородке,
Котлеты к ужину шкварчат.
Пунктиром чётким вереница
Младых и старых горожан,
Декабрь стелет половицы,
В объятых зимних мой Курган.
Все ниже небо, ярче звёзды,
И кажется, короче жизнь,
Но как же свеж морозный воздух,
Как снег сверкает — обернись!

Не хмурься, рядовой прохожий,
Пусть несветло от фонарей,
Ты счастлив — места нет дороже,
Ты счастлив — просто в это верь!

— ЛЮБИМЫЙ ГОРОД —

Акростих

Люблю этот город, я в нём родилась,
Ютилось в Рябковских домах мое детство,
Большие деревья, ветвями склонясь,
Латали дырявый забор по соседству.
Юбчонка волнилась, в парк ноги неслись —
Горячие мамыны руки держали.
Объятую солнцем Курганскую высь
Радужно на взлёте качели встречали.
Особенно вкусный в пиалах пломбир
Дурманил детей в кафетерии «Сказка».
Курган примерял тополиный мундир,
Уставший, был всё же приветлив и ласков.
Ранетки в ладонях, как уличный дар,
Горели бордовым октябрьским яством,
А ленты билетиков в кинотеатр
Надёжно вложили в сознание счастье.
Величием город не раз восхищал:
Соборы, музеи, уютные скверы,
Единый железнодорожный вокзал
Манил чужестранников, хлопая дверью.
Сверкают в Кургане ночном фонари,
Ещё теплым светом наполнены окна.
Родной городок, крепко в памяти — Ты,
Душа серебрится Тобольным притоком.
Целующий яркой рябиной зимой,
Еловыми шишками зреющий летом
Мой город. Навек золочёной иглой
Я сердце расшила курганским рассветом!

—— Я ДОМА ——

Курган. Городок у Тобола.
Курган — это значит, я дома.
Во двориках тесных, уютных,
И в парках широких и светлых
Меня обнимают прилюдно
Деревья в зелёных беретах.
Здесь все переулки известны,
Построек старинных навесы.
От Гоголя до Пролетарской,
От Красина до Станционной –
Расчерчено в памяти краской
Петляние улиц знакомых.
Огни Филармонии статной,
Мостов невеликих шпагаты,
И Ленин, пронзающий площадь —
Хранят дух величия. Гордо
Как символ победы и мощи,
Стоит БМП у завода.
Гласит «Нулевой километр»
О точке отсчёта, конверты
Шуршат у дверей Главпочтамта.
Лучи проползают сквозь тени
Массивных колонн Драмтеатра,
Впиваясь в белесые стены.
Курган. Он простак, чуть угрюмый,
Но окна ему отворю я!
Дыханьем озёр отзовется,
Крылом пригласит голубиным,
Цветком тополиным завьётся
Мой город, навеки любимый!
Курган. Городок у Тобола.
Курган — это значит, я дома...

— БИБЛИОТЕКА —

Есть особенный дом, он с рожденья знаком —
В нём живут дружно сказки, поэмы, романы.
В переплётах скрывается тихо, тайком
Мир глубокий, чарующий и многогранный.

Открывая ладони печатных страниц,
Нас приветствует книга, собой увлекает
С мелодичным звучанием, пением птиц,
Иль со стуком колёс — в неизвестные дали.

В каждой новой строке мы находим приют,
Отражаемся мыслями в образах, судьбах,
Вновь и вновь возвращаемся — книги зовут
И томятся на полках средь будней безлюдных.

Есть особенный дом, где хранят имена,
Тянут нить поколений от века до века,
И она неразрывна, крепка и сильна,
Если связан читатель и библиотека.

— МОИМ ДЕТЯМ —

Любовь к ним не имеет потолка,
Ни дна, ни стен, ни времени земного,
Она живет в укромных уголках
Родительского сердца, по глоткам
Целебно наполняя с полуслова.

Любовь проникновенна чистотой,
К поступкам, горьким фразам терпелива,
За детской неуверенной спиной
Она дает надёжность и покой
В привычной суеде неторопливо.

С закатом, под покровом темноты,
Внимает сладость тихого сопенья,
И нет в душе ребенка пустоты,
Когда любовь хранит его следы,
Свернувшись рядом неприметной тенью.

ДЕТСТВО

Готовил летним днём привычно дед
К поездке в поле свой велосипед.
На руль котомку, на багажник впрок
Моток резинок и большой мешок.

А я просила: «Дед, возьми с собой!»,
И крылья вырастали за спиной,
Когда из тесноты сарайных стен
Выглядывал колесный мой пострел.

На раму дед приматывал косу,
А я ловила мошек на носу,
Сквозь ветви яблонь било в глаз лучом,
И беды мне казались нипочём...

Калитка затянула свой мотив.
Мы, руль руками смело обхватив,
Внимали жар июля, запах трав —
Дед жизнь любил за щедрый, добрый нрав.

Неспешно мы катились по тропе,
Я крепла с каждым метром, дед слабел...
А яблони махали вслед листвою,
И я шептала тихо: «Время, стой...»

— ЕЩЁ НЕМНОГО —

Полшага до весны и до тебя
По льду, по гладковыбритому снегу,
Пока ветра карнизы теребят,
Пока вода готовится к забегу.

Остаться и полмига подождать,
Убрать тяжёлый плед на антресоли,
Выплескивать поток стихов в тетрадь
И пить рассветы сладкие, без соли.

Смешаться с талым запахом земли,
Несмело прорастая через толщи.
Полвдоха в духоте бетонных плит —
И без тебя не мыслить жизни больше.

Марина Перова

Марина Перова родилась в 1991 году, выросла в селах Старые Байдары, Половинное, Сумки Половинского района, закончила Сумкинскую среднюю школу и Курганский государственный университет. Магистр философии, кандидат исторических наук, член Союза писателей России, журналист. Преподает на кафедре истории и документоведения КГУ, работает в редакции городской газеты «Курган и курганцы» и на сайте kikonline.ru, ведет занятия по йоге.

Участник международных и всероссийских совещаний молодых писателей. Лауреат VI Международной открытой Южно-уральской литературной премии (2018). Стипендиат Союза российских писателей (Челябинск, межрегиональное совещание молодых писателей, 2017) и Министерства культуры РФ (Иркутск, Международный Форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья «Липки», 2017).

Автор сборника стихотворений «Небо над Тоболом». Публиковалась в журналах «Наши современник» (Москва), «Чаша круговая» (Екатеринбург), «Веретено» (Калининград), «Образ» (Кемерово), «Тобол» (Курган), сборниках «Заря» (Москва), «Направление мысли» (Челябинск) и др.

(Я)

Я смотрю.
Слушаю голос,
не понимая слов,
ловлю интонации.
И вибрации
каждого движения губ
отдаются у меня в животе.

Я похожа на радиоприемник —
я принимаю волны
и усиливаю их звук.
Они окутывают пространство,
поглощают предметы.

Лампочка над столом
освещает твои глаза
и руки,
и я бы хотела так делать тоже,
ревновать к её свету.

Но я не хочу.
Я только смотрю и слушаю,
и растворяюсь.

Меня уже нет.
Ни имени, ни ума,
одна вибрация —
глубокая, гулкая —
заполняет комнату.
И она — больше света.

———— (МАТЬ) ————

1

Горячая истома в животе
Меня опять отправила из дома —
Мне стен и пола больше не стерпеть.

И тает снег от жара головного,
И плавится доверчивая твердь.

А я уже близка к ядру земному —
Сама заговоренное ядро.
Сосуд священный, полное ведро.
Земная оболочка и нутро.
Сама себе страшна и незнакома.

2

Я буду целомудренно пуста.
Не подарю начала новой жизни
И не отдам за сына живота,
А живота его не дам отчизне.
Я в мёртвом море мёртвая вода.
Я не создам Ионы для кита.
И соль моя останется моей:
Одна не-мать среди тысяч матерей.

3

Когда во власти похотливых мечт
Я волосы отбрасывала с плеч,
Тебя надеясь свергнуть и привлечь —
Я опускала голову под меч.
И жизнь моя плясала от минут
Когда меня обнимут и возьмут,
И в чёрной и горячей глубине
Возникнет мир невидимый во мне.
Я только миг, отброшенная тень.
За мной — вчера, за ним — грядущий день.
Он будет из меня, но не моим.
Теперь не я, а он боготворим.

——— (ЧЕЛОВЕК) ———

Я человек.
И когда опущусь на кровать —
Не любовное ложе —
На строгие смертные простыни,
До последнего мига
Любовью и жизнью опростанный,
Я пойму, как мне дорого
Каждое слово моё,
Даже если
Оно было ложью,
Каждый выдох и вдох,
Каждый шорох неслышный,
Касание пальца о палец
И тяжесть ступней на полу.
И что бы мне ни говорили
О будущей жизни —
О рае, о перерождении,
О воскрешении —
Я знаю,
Что если умру,
Умрёт целый мир,
Сотканный из мыслей и ощущений.
Я не проснусь — молод и бодр,
Потому что не будет «Я».
А значит, не будет мамы,
Моего кота и моего дома —
Ничего моего.
И небо я не назову небом,
И оно перестанет существовать.
Страшно быть человеком.

———— (НИЦЕТА) ————

Жар.
Золотой стол
Полон тебя.
Дают крохи.
Глотаю.
Мечтаю
О главном блюде.
Продам кого хочешь
В пример Иуде
За пару глотков ещё.
Ещё. Ещё.
Мало.
Голод грызёт.
Сахар во рту.
Огромный шар
Внизу живота
Раскалился до ярко алого.
Доска,
Расщеплённая надвое –
Одна половина мне,
И внутри занозы.
Ничего вне.
Мало малого.
Почему
Я не могу забрать тебя целиком?
Сесть за стол.
Лечь на стол.
Стать им.
Гол.
Холоден.
Ладен.

Не могу выразить.
Ни понять,
Ни сладить.
Стою в углу.
Пустая котомка.
Голод.
Жар.
Статика.

— (ВИНА) —

Мельничный жернов
вешай на шею
и утони.
Верно — не верно.
Пень — о колоду,
колода — в пни.

Сколько ни бегай,
не убежать
от самой себя.
Кто соблазнит
одного из малых,
Тому — земля.

Вечная радость
требует вечности
всех вещей.
Небо не рядом —
сколько ни прыгай,
ни жги свечей.

Если грешил
на левую руку —
прощай, рука.
Крепнет декабрь —
вечный декабрь,
зима сурка.

— (СОГЛАСИЕ) —

Это невыразимо словами,
Взглядами, жестом,
Не имеет названия
И с каждой минутой
Занимает всё больше места,
Десятерится.
Грибница —
Тонкая, белая
Ветвится и множится,
Врастает в плоть,
И её не искоренить,
Не выжечь,
Не вытоптать.
Буду носить её,
Растить гриб —
Царственный, белый.
Хочешь — срежь его.
Вырастет новый — ещё белее
И ещё крепче.

——— (ПРОЩЕНИЕ) ———

Хмурая суббота на Страстной:
Поминают мёртвого Христа.
Покаянный звон над мостовой
На мосту и около моста.
Догоняет — шагу не ступить:
Спасу нет с крестом и без креста.
Как бы наши жизни не скрестить
На краю Великого Поста.
Как бы успокоить эту дрожь
И в апрельский кануть окоём!
Без греха до смерти не дойдёшь,
Не воскреснешь с кем-нибудь вдвоём.
Колокольня. Небо. И апрель.
Я не верю. Просто так молюсь.
Без тебя я чище и светлей,
С каждым шагом легче становлюсь.

——— (ПРАВДА) ———

Я хочу быть хорошей,
Никому не причинять зла,
Говорить правду
И помогать в беде.
Я даже каждое утро
Сажусь на коврик
И медитирую,
А на улице улыбаюсь прохожим.
И бываю похожа
На хорошего человека.
Но это не так.

——— (БОЛЕЗНЬ) ———

Ты вселился в меня,
как в крови поселяется вирус,
а в теле — бес.
Иногда ты молчишь,
и мне кажется, я исцелилась
и вернулась к себе,
к единичному организму.
Но он будто не жив.
Я не чувствую больше:
ни горячо, ни холодно.
Становлюсь теплохладной.
И сотни утр
ровных и ладных
сменяют друг друга
в одинаковом забытьи,
пока телефон не разобьёт его,
и я не вспомню, что я больна.
Тогда ты встаёшь во мне в полный рост.
И озноб бежит по телу, как мост
между радостью и болезнью.
От жара покалывает кончики пальцев.
Я слышу, как цветы разверзают корнями почву.
Вижу солнечных зайчиков
на потолке —
неуловимых, как ты.

Ксения
Курылева

Ксения Курылева, студентка КГУ, направление «Зарубежная филология». Родом из Лебяжья. Начала писать стихотворения в возрасте 10 лет, продолжает совершенствоваться в писательской деятельности. Участвую в литературных конкурсах, марафонах различного уровня: от регионального до международного. Среди них региональный конкурс «Звучащее слово», межрегиональный конкурс «Молодая литература Зауралья», всероссийский литературный марафон, посвящённый поэту Димчевскому «Обломки XX века», всероссийский конкурс «Улица Блока», публикации стихотворений в областной газете «Новый мир», в курганском альманахе «Тобол» и т. д. Приняла участие во всероссийском фестивале «Таврида. АРТ» — 2021 по направлению «Медиа». Помимо писательской деятельности занимается изобразительным и театральным искусством, является волонтером, играет на гитаре, участвует в поэтических вечерах и музыкальных квартирниках, активно принимает участие в общественной деятельности.

«ЭТО НЕБО ВЕТКАМИ ВСПОРОТО...»

Мама.

Я однажды к тебе не вернусь
И на кухне оставлю завтрак.
Не нащупают в теле пульс,
Мы с тобой не увидимся завтра.

Я однажды тебе не скажу
Слов простых: я люблю и прости.
Школьный треснувший абажур
И тетрадные в клочья листы.

И разорваны в клочья мечты
Тех, кто их воплотить не успел.
Вместо них на ступенях цветы,
На юнцов наводился прицел.

Это было внезапно, как стон,
Невесёлый сигнал прозвенел.
На юнцов был прицел наведён,
Будто кто-то спугнул журавлей.

Перебитым птенцам суждено
Становиться частичкой земли.
Сколько будет из нас спасено?
Каждый день мы в режиме войны.

Одинокий мальчишка ведёт
Против мира борьбу, но зачем?
Вряд ли мама в слезах его ждёт,
Вряд ли ждут от него перемен.

Журавлём я б хотела взлететь,
Рассекая собой горизонт,
Но быстрее меня стала смерть...
И я слышу лишь крики ворон.

Мама.
Я однажды перестала дышать,
Но чуть раньше, чем мне дано.
Человек роковой сделал шаг,
Для меня, для меня... роковой.

— ТАКОВЫ ОНИ —

Пуститься в пляс, уйти из дома,
Побывать на стуже и в тепле,
Узнать всё то, что незнакомо,
Попробовать писать во мгле.

Питаться красотой улиц,
Забиться в полуночной тьме,
Укрыться от летящей пули
И сочинять даже во сне.

Побывать на дне и вновь вернуться,
На пьедестал взойти опять.
Нахмуриться и улыбнуться,
И всё писать, писать, писать.

Увидеть молнии разряд,
Пить кофе в полной тишине.
Поэт пытается узнать,
Понять и описать в стихе.

Глазами многое считает,
Увидит то, чего и нет.
Он познаёт, он открывает.
Таков писатель и поэт.

———— БЕЛОВИК ————

Делать надо сейчас и набело.
В жизни нету черновиков.
Как бы время впустую не тратили,
Как не тратили б тысячи слов.
«Жизнь одна», — говорю я приятелям.
Сам о том забываю, а зря...
Я бы мог стать хорошим писателем,
И писал бы о дальних краях.
Бросить всё на корню, вспомнить молодость...
Так хотелось бы вырвать главу,
И морить себя праведным голодом,
Чтоб влюбились глаза в синеву.
Ту главу новым почерком выстрочить,
Да учесть бы ошибки свои.
Только нет черновых глав на выдаче.
Жизнь одна — беловик, ты учти.

———— ПОСЛЕ МАЯКА ————

I

Слушай,
Слушай,
Я ведь сильный снаружи,
Поди поищи сердце в груди.
Ведь я тебе ни капельки не нужен,
И если уж пора — сейчас уйди.

Послушай!
Ты меня послушай!
Не надо срывать шторы с гардин!
Ты ослепительно кружишь
Мне голову, и я остаюсь вдруг один.

Ни слова,
Ни слова больше!

Зажми свой несчастный рот!
Моя любовь ни на чью не похожа!
А ты иди, катись за поворот!

Ну слушай,
Ну слушай, пожалуйста,
Я, может, снаружи и сильным был,
Но не будь со мной только из жалости...
Я ведь первый и навсегда полюбил.

II

Здравствуй, милая,
Здравствуй.
Не знаю, зачем я тебе пишу...
Нет уже в груди ни любви, ни страсти,
Но за тебя любого задушу.

Не смейся надо мной,
Прошу, спокойно.
Просто ты ушла, забыв ключи...
Ах, да! Они ведь не нужны, а я — покойник.
Мне не помогут уж врачи.

Забудь что говорил.
Вернёшься?
Я знаю, этому не быть.
И вижу, ты в глаза безжалостно смеёшься,
А я смеяться не могу и не могу забыть...

ВЕЧЕР

За меня доскажут пальцы
Слову, мысли вопреки.
Мы, как серые страдалцы,
Заплываем за буйки.
Бесконечность нервных жестов
Выразить стремится то,
Что кому-то нету места
В сердце, где двойное дно.
Радость смешиваем с горем,
Пропасть путаем мы с высью.
Распрощаться, прыгнуть в море,
В море падающих листьев.
Ожидание старомодных
Долгих вечных перемен,
И не чувствуют свободно
Те, кто был когда-то смел.
За буйки не уплываем,
В листьях тонем каждый раз,
Мыслями себя терзаем
В предночной бессонный час.
За меня доскажут пальцы,
Если ты позволишь вплавь
До тебя хотя б добраться
И не думать о словах.
Щедро золото оставив,
Мчится время, позабыв,
Что для нас нет этих правил —
Этот вечер для двоих.

— НЕ ИЩИТЕ —

I

Один на один с бумагой,
Ощущая тревогу под кожей,
Может надо... а может, не надо?..
Заставляют слова до дрожи
Выводить рифму, словно присягу,
И одна с другою не схожа.
Я почувствую вновь отвагу,
Вы почувствуйте это тоже.
Один на один с бумагой,
Ручкой слово выводится сложно.
Значит, стоит писать и надо
До мурашек, финала, дрожи.
Выйдет то, что всего дороже.

II

Не ищите меня в стихах,
Моей сущности в них не найдёте.
Как вы ищете знаки во снах,
Так меня ни за что не прочтёте.

Не ищите меня в каждой строчке.
Я пишу, закрываясь руками.
Мне не нужен такой переводчик,
Чтоб потом на меня все кивали.
Не ищите меня в этом ритме.
Я истории жизни внимаю.
По стихам не скоблите бритвой,
Не себя я в них воспеваю.

МИМО

Это небо ветками вспорото,
В пробке вновь не видать пути.
Эти шумные вопли города
Разрывают, что есть внутри.
А над нами летают птицы,
Не знакома им наша среда,
Где погода плохая и злиться
Снова хочется — день ото дня.
И небо измазано тучами —
Так маляр на седьмом этаже
Потолок штукатуркой мучает,
А ведь в этом нет смысла уже.
Прочирикала птичка чуть слышно,
Что-то вскользь, говоря о любви.
Это то, без чего мы не дышим.
Это то, о чём мы молчим.
На крыше квартирных блоков,
Растворяясь в туманном бреду,
Выжимают последние соки
Из цветов, что живут не в саду...
А учитель в окне старой школы,
Так уныло в небо глядит.
Эти дети совсем не готовы
Ни мир, ни себя полюбить.
Солнце тёплым потоком ударит
И заставит проснуться на миг.
Жаль, что счастье сегодня не дарят,
Его можно только купить.

Александр Рухлов

Александр Рухлов родился в городе Кургане в 1988 году. В 2005 году окончил курганскую гимназию № 31. Учился на филологическом факультете Курганского государственного университета, где посещал занятия литературной студии Виктора Фёдоровича Потанина. Публиковался в коллективных сборниках студии: «Следы» (2007 год), «Последствия» (2008 год), «Предчувствие» (2010 год), журналах «Тобол», «Сибирский край», «Волга – XXI век», «Дон новый», «Молодая гвардия», «Наши современники», «Чаша круговая», антологиях молодой литературы и поэзии «Заря» (Москва, 2019 год) и «111» (Калининград, 2020 год). Автор двух поэтических книг: сборника стихов «Мосты времени» (Курган, 2010 год) и уличной поэмы «Шпана» (Санкт-Петербург, 2017 год), монографии по творчеству поэта Леонида Губанова «Холст 37 на 37... Леонид Губанов: в поисках портрета» (Курган, 2019 год). Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России. Председатель Курганского регионального отделения Совета молодых литераторов при Союзе писателей России.

Нынче все мы немного зэка.
Потому что весь мир — на замке.
Время учит нас губы смыкать
И дворцы возводить на песке.

Будет больно тебе — не кричи,
Не стучись у захлопнутых врат.
Нынче сами себе мы врачи,
Потому что весь мир — маскарад.

По экрану, как быстрая ртуть,
Единица и ноль вместо слов
Ниоткуда бегут в пустоту,
Человечьих не чужа следов.

О потерянном рае скорбя,
Запираем себя в телефон.
Маска, маска! Я знаю тебя.
Ибо имя тебе — легион.

Мир, делённый онлайн на ноль,
Что ты нам приготовил в конце?
И от маски фантомная боль
Поцелуем горит на лице.

Облака из реки лакая,
Август воду губами студит.
Человек насовсем не тает.
Навсегда он с тобою будет.

Он же был тебе обережек,
А потом вдруг взял, занедужил.
Он всегда был с тобою нежен,
И всегда тебе очень нужен.

Нужен, как в голенище ножик,
Как под осень — печное пламя.
Человека чувствуешь кожей,
Если им навсегда — ранен.

Если имя, сродни шраму,
Что поглубже речного русла,
Он уйти не сумеет, правда —
Просто корни сквозь время пустит.

Корни, споры, живые нервы,
Память трав в земле вековая.
Остывает в августе небо.
Его имя — не остывает.

Конец. Теперь — зима. Пять месяцев зимы.
Земли небытие и холод безголосый.
Всё замерло вокруг. И ты теперь замри.
И замоли грехи, забытые за осень.

А после — помолчи. Плыви себе к весне.
По линиям руки свой путь гадать попробуй,
Как будто санный след читая... Сонный снег,
Качаясь, падает в горбатые сугробы.

Так в ночь под Новый год уткнётся кто-нибудь
В обочину лицом, чтоб там согреться насмерть.
Ты не буди его — его потом найдут,
Ведь линии руки ему сулили счастье.

Пусть снег солит следы. Пусть набело метёт.
И с улицы в окно прощальным ветром тянет.
Засохшее быльё, тряпьё, житьё-бытьё, —
Всё приберёт ноябрь холодными горстями.

Припрячет в темноту, в сусеки, в закрома,
За скользкий окоём, в кули, лари, сараи,
В амбары и гробы... Одно сказать — зима.
Всё приберёт. Опять. Не разбирая.

Мы замечтались. Мы и не замечали:
Минул сентябрь, октябрь у порога замер.
Осень сегодня всю ночь за окном молчала
И куда-то звала заплаканными глазами.

И шуршали дожди в полумраке, как будто воры.
И вода у парома дышала холодным паром.
Обнажённая осень, себя не помня, входила в воду
И облака в обмелевшей реке купала.

И огибая прохожих, не оставляя тени,
Вслух ничего особо не выражая,
Жёлтые листья по спящему городу разлетелись
На осколки разбитыми жёлтыми витражами.

...А я брожу по городу, как блаженный,
И летящие листья шагами опережаю.

ПТИЦА

Сквозь глубокую звёздную тишь
И высоких снегов плотно
Тихой птицей ко мне прилетишь,
Чтоб в ночи постучаться в окно.

Эта птица пока не поёт
И ещё не привыкла ко мне,
Но упрям молчаливый полёт
И глаза так знакомы в окне.

Накрошу на ладонь сладких снов.
Мне твоя так знакома печаль,
Словно сердца поющего зов
Я когда-то умел различать,

Будто знал, как бессонницу ткёт
Птица тихими взмахами крыл,
И не спал тогда ночь напролёт:
Слушал песни да птицу кормил.

Ты тогда улетела в рассвет
По дорогам неведомых стай.
Но сюда возвращается снег —
Это значит: опять прилечай.

И пускай ты пока далека,
Пусть непрочен по осени лёд,
Но небесная станет река
И мосты над водой наведёт.

— СТАРЫЕ ДВОРЫ —

Где лохматые сонные тополи
Запрокинули головы ввысь,
Там гулял ты в сандаликах стоптанных,
Там бетонные кони паслись.

Ты узнаешь дворы обветшалые,
И они тебя помнят пока.
Только яблоки стали шершавыми
У коней на покатых боках.

За песками далёкой песочницы
Спят жирафы из радужных труб.
Совершает с отчаянной точностью
Молчаливая память свой труд.

Где ржавеет железное кружево
Вечно жаждущих неба ракет,
Ты убит деревянным оружием:
Сколько зим, столько лет, больше нет!..

Сдержишь слёзы. Негоже. Не маленький.
Но качели заплачут с тоски.
Их встревоженный стонущий маятник
Будет время рубить на куски.

Все соседские бабушки умерли.
Ну а мы, может быть, не умрём.
Скрип качелей сквозь тусклые сумерки
Одиноким летит журавлём.

—— СВЕРЧОК ——

У ржавой двери слесаренки
на маленькой наковаленке
выстукивает сверчок —
серебряных дел мастер.
И фартучек, и бочок
с травой одной масти.
Не видно его совсем,
но слышно в округе всем,
как стучат его молоточки.
Не напрасны его труды,
не напрасен расход руды:
будут серьги жене, а дочкам
будет хлеб и запас воды.

**Виктор
Потанин**

Родился 14 августа 1937 года в селе Утятском Притобольного района Курганской области. Семилетнюю школу заканчивал в Утятском, среднюю школу — в городе Кургане. Окончил Курганский педагогический институт (1958 г.) и заочно Литературный институт им. А. М. Горького при Союзе писателей СССР (1967 г.). С 1958 по 1967 г. работал литературным сотрудником, а затем ответственным секретарём областной молодёжной газеты «Молодой ленинец» в Кургане. Был редактором Курганского отделения Южно-Уральского книжного издательства.

Первая книга рассказов «Журавли прилетели» вышла более 40 лет назад. Многие рассказы переведены на все основные европейские языки. Общий тираж изданий составляет около 7 млн. экз.

Член Высшего Координационного Совета при Союзе писателей России. Заслуженный работник культуры России, Почётный Гражданин города Кургана и Курганской области. Лауреат премии Губернатора Курганской области, литературных премий им. Ленинского комсомола, им. И. А. Бунина, В. М. Шукшина (дважды), Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. Грина, Патриаршей литературной премии им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Имеет правительственные награды.

В Союз писателей СССР состоит с 1966 года.

Опубликованные в номере рассказы относятся к раннему творчеству классика. Их автор — молодой курганский писатель Виктор Потанин.

— КОГДА ПРОШЛИ ДОЖДИ —

Деревня наша стоит в бору, на отшибе. От тракта нужно километров пять до нее пешком топать. Летом ходить весело. Шел эти пять километров часа три. Только в улицу ступил — на голову дождик упал. Дождь? Смешно. Потом не до смеха: каждый день — ненастье.

Но я радовался: люди по домам засели — весь фольклор под боком. Перешел я тогда на четвертый курс института, вот и приехал домой, чтоб записать фольклор в родной деревне. Думал собрать много песен, легенд удивительных и составить книгу. И эта книга будет самая хорошая на свете. Прославит она мою деревню на всю страну.

Первую ночь дома не спалось. Хотелось быстрее составлять книгу.

Шумел дождь, в бору стонали сосны. Потом вышел леший, испугал меня. Он стучал клюшкой по деревьям, подвывал ветру, плакал и ухал по-дикому. Выйди сейчас в бор — сердце лопнет. Меня воспитывала бабушка и научила верить в домового и в лешего, в Бабу-Ягу-костяную ногу, в зеленых русалок, в огненные колесницы, которые выносятся из реки в полночь, катятся по всей земле, и кто их увидит — тому счастье привалит. Стал большим, но эти сказки опять живут во мне, ослепляют.

Кончил выть леший, и я заснул. Утром отправился к Ивану Закомалдину. Иван — самый старей в деревне, самый мудрый, веселый, пельсеньник, сочинитель. Он все знал, все видел, прошел страну пешком вдоль и поперек, плавал на море, воевал в Маньчжурии, в первую мировую попал в плен к австрийцам, сбежал, потом строил колхоз в родной деревне, в шестьдесят лет стал комбайнером, в семьдесят — плотником, в восемьдесят — пенсионером.

Дом его стоял в конце улицы. Крышу Закомалдин покрыл дёрном. Дёрн пророс густой травкой, и домик походил на зеленый гриб. Я постучался — не ответили. Я вошел в сенки, прислушался — тихо. Перешагнул через порог в избу: на столе котёнок катается. Прошёл в горницу. Возле окна большая кровать, там лежит Закомалдин, под головой куча подушек, руки поверх простыни. Он повернулся на мои шаги, лоб его сморщился — вспоминал:

— А, это ты... Ну, беседуй.

— Заболели, Иван Захарович?

— Хуже... Вроде кончаюсь...

— Врача бы?

— Э-э, сыновей бы достать. Да куда уж: один в Москве офицер, второй за женой на Север удрал, отлетел, как от сапога подметка.

Он устал говорить, задохнулся.

В горнице — сумрак, пахнет прелой кожей, берёзовым листом и самим Закомалдиным. Дух от него кислый, хочется чихать. В последние годы он пас скот, стал курить самосад с одеколоном, дубить овчины, и все запахи остались в нём, впитались.

Закомалдин лежал молча, строго, лицо не двигалось, шевелились одни губы. Я струсил: вдруг он умрёт сейчас и унесёт с собой все песни и сказки — распадётся моя книга.

Он перевёл глаза с потолка на меня и спросил:

— Ты попрощаться, значит? Только до тебя председатель колхоза

да пионеры с учителькой забегали.

Мне стало не по себе, я к окну перешёл. Дождь разошёлся частый, грибной. Сейчас синявки пойдут, маслята под сосенками вылупятся, потом белый гриб ползет. Из бора в открытое окно несло сыростью, в сосняке гоготали гуси, задрав хвосты, носились телята, бодались. А Закомалдин умирал. Я смотрел на его худые щеки, сухие бессильные руки и стыдился себя, здорового, плечистого, в белой выстиранной рубаше.

— Что, дождь там?

— Дождь.

— Ненастье и подбирает стариков... Могилу в дождь копать худо. Глина липнет.

Я стал ходить по комнате, не смотрел больше на него, хотелось выскочить на волю из душной горницы, чтобы не видеть больше посиневших щёк Закомалдина, не слушать его, полуживого, закрытого белой, смертной простынёй. Но он чем-то держал меня цепко, не отпускал, и я снова смотрел на него долгим пристальным взглядом, чувствовал, какие холодные у него руки, — и вздрагивал.

Давно, в детстве, мы подстрелили ястреба. Дробина сломала крыло, а сам он был ещё силён, горяч, царапался до крови, щетинился, не подпускал к себе человека. Посадили его в клетку, под лавку, рядом с курами. Через ночь он похудел, высох, перестал клеваться и пить воду, а ещё через ночь зачах совсем, собрался, видно, умирать. Мы жалели его до слёз и бегали к нему всё время. Но мой отец пожалел ястреба по-своему. Он выставил клетку на крышу дома под солнышко. «Может, отойдёт», — рассудил отец. И отошёл ястребок. Через неделю открыли клетку — он вышагнул на крышу, почистился, покружил на лапах, встрепенулся, взмыл в небо и улетел навсегда. К облакам взлетел, а недавно умирал... И я сейчас вспомнил, как ястребок сидел с курами и было ему тошно... Вспомнил это потому, что Закомалдин размышлял:

— Сейчас бы по бору походить... Груздков пособирать... Да видно, отходил, откружал...

Потом поманил меня. Поднял руку и ладошкой на себя помаhal — иди, мол.

— Вон на полочке книжка лежит... Достань-ко.

Я подал ему большую толстую тетрадь, прошитую у закромок толстой ниткой.

— Открывай давай...

Я открыл и уже не мог оторваться от старых, пожухлых страниц. На первом листе стояло: «Год 1883. Моя жизнь с рождения и по сие время».

Читал наугад страницы и улыбался простодушной, наивной откровенности повествования: «Вчера первый раз за жись одел новые порты. Сходил в них на гулянку, после их свернул и под подушку засунул. Пусть сохраняются до оженитьбя...»

«Неделю назад из тюрьмы пришёл. Отсидел за хомуты. Зря на меня указали... Хомуты у хозяина не я украл, а сын собственный Прошка у целовальника заморил... А слава-то на меня пущена. Вышло, что отсидел зазря...»

«Сынок первый, Стёпа, без меня помер от живота. Кинулся Катерину бить, — мол, не устерегла, да что взять с бабы».

Всё это перемежалось с описаниями знакомых — врагов и друзей Закомалдина. Он описывал по дням и погоду, и состояние посевов, делился своими несчастьями, радостями, мечтал о лучших временах, рассуждал сам с собой, переносился в фантазию, балагурил — и всё это из-под пера выходило той простой, страшной правдой, которая леденит душу. Он словно наслаждался своей откровенностью, часто себя осуждал, и эти места писались особенным, суровым слогом. Читал я, не отрываясь, и чувствовал, что Закомалдин жадно следит за мной и сейчас спросит о чём-то важном.

Дальше шло описание походов в австрийском плену в гражданскую войну, потом записи перекинулись на тридцатые годы и на сегодняшние дни.

Закомалдин не вытерпел, спросил:

— Смешно?

Я молчал. За окном дождь разошёлся сильнее, на улице потемнело, и Закомалдин в потёмках казался еще более бледным, только руки живые — чуть шевелились.

— Надо тетрадь дописать. Пустых мест больно много... Не могу сам-то — видишь... Хочу тебя просить.

Я удивился, промолчал. Его длинные руки пугали и заставляли думать только о них, больше ни о чём.

— После гражданской председателем колхоза поставили. Три года работал — за книжку не брался. Некогда... Эту войну в бригадах проходил... Сутки — бегом. Тоже книжку побоку. После войны в больнице лежал — спина отнималась — тоже не до книги... Теперь вот душа на ладан...

А дописать охота.

Я согласился дописать тетрадь, но только вместе с ним. Уходил от него печальный. Проклятый дождь выводил из себя. Не выйдешь ни в лес, ни на речку. Да и умирающий Закомалдин стоял всё время в глазах.

Утром опять пошёл к нему. Он всё так же лежал недвижно под простыней. Увидев меня, приободрился:

— Давай начнем сразу... Бери книгу, на чистом листе пиши заглавие — «Моя жизнь с 1923 года по 1926 год».

Я написал заглавие, и он стал диктовать. Говорил тихо, глухо, дышал со свистом. Часто хотелось остановить его, чтоб отдохнул, продышался, но я боялся прервать, только всё ближе пододвигал свой стул к кровати, потому что голос его слабел.

Закомалдин умирал у меня на глазах, и все последние силы вкладывал в слова, которые ложились в книжку. Он рассказывал о первом колхозе, о каком-то Гришке Трофимове, который пырнул его ножиком за то, что Закомалдин раскулачил его отца.

Рассказывал он медленно, голос доходил до меня глухо, чуть слышно, сливаясь с шумом дождя на улице. Я быстро устал, вспотел, пальцы от ручки занемели, и мне хотелось остановить его — пусть отдохнет. Закомалдин ловил мой взгляд, усмехался, один глаз открыт весь, а другой сужен, почти закрыт, и вид у старика был надменный и хитрый, как у старой птицы. Скоро закрылся и другой глаз. Он отвернулся к стене. Потом ещё немного продиктовал и закашлялся. Сказал мне, что у него отпали легкие.

На другой день я просидел с ним часа два, и он говорил уверенней, голос его звучал громче. Голос у него был хрипловатый, напевный, спать бы под него. Потом пропал и мой сон, и дождь за окном забылся. Закомалдин стал рассказывать о своей мужицкой молодости, о второй жене, красавице Варваре Клевакиной, глаза его блестели влажно и молодо, руки нервно ходили по простыне.

— Была у Вари коса... Косой этой тебя можно пять раз обмотать... Ласковая вышла жена. А у тебя есть любя-голуба?

Я покраснел, Закомалдин засмеялся. Смеялся он, словно кашлял. А я завидовал Закомалдину. У меня не было любя-голубы, а его Варя ходила тогда по земле статная, точёная, плясунья. Такая плясунья, что всю деревню перепляшет. Когда она шла, все занавески у окон вздымались — люди смотрели на нее, головой качали — кому-то достанется... Досталась она Закомалдину.

На третий день мы записали о бригадирстве в годы войны. Тяжёлые были годы. Я их сам испытал. Жили голодно, холодно. Однажды Закомалдин привёз нам дров, а мать моя всю ночь проревела: вот, мол, уже чужие люди о нас заботятся, а от отца ни слуху, ни духу, живой ли уж поилец-кормилец наш... А потом он нашей корове Маньке сено вывез, сметал его на конюшню, не сказав нам ни слова. После зашёл в избу, попросил напиться, и когда пил, то смотрел на мать — и жалостливо слезились глаза. Ему казалось, что без отца мы круглые сироты, сухие пеньки, да и нам казалось так же. Летом частенько заносил в садке карасей и опять томительно долго молчал у дверей или пил медленно из ковша воду.

Закомалдин диктовал теперь уверенней, сидел на кровати, спустив на пол ноги в теплых носках. Часто он скручивал сигарку, с лица его спала серая усталость. Он оживал, голос его звучал громко, по-молодому, дышалось легче, просил прочитать, что я написал. Слушал внимательно, настороженно, всем телом накреньясь вперёд, глаза его не мигали и не видели ни меня, ни книги, ни широкой горницы, а смотрели куда-то вдаль, далеко, о чем-то вспоминали.

— Вот умру, а книгу в школу отнеси... Пусть пионеры читают...

Он взглянул мне прямо в глаза и усмехнулся. Может быть, он шутил теперь, но я не понял и промолчал.

На пятый день Закомалдин уже ходил по горнице, шагая грузно, тяжело, и пол под ним скрипел. Он стал рассказывать, как вернулся с фронта старший сын Василий. Весь в орденах сын, веселый, смуглявый, и девки об нем заболели. Но Василий влюбился в соседку, в Замятину Зою, вдову, с пацаном на руках. Я записал в книгу, как Василий привёз ей из города шаль пуховую в подарок, как Василий с Зоей в первый раз по деревне прошелся: он — справа, она — слева, а посередине — их руки вместе. Народ завидовал Зое, ведь Василий был в орденах и красавец.

Закомалдину особенно нравилось в книге это место о Василии. Старшего сына он любил сильнее жизни, потому что был Василий от плясуньи Варвары и удался в неё — черноглазый, ласковый, черноволосый. Я также любил Василия тогда очень сильно. Я подражал ему, трогал на его гимнастерке медали, слушал, как он рассказывал о боях, о горящих танках, и мне так же беспощадно хотелось бить всех врагов своей страны, стать героем. Вот почему о Василии я писал горячо, волнуясь, сочинял от себя. И когда читал Закомалдину это место, он потихоньку гладил мою руку, мне хотелось её отдер-

нуть, но я боялся. А он схохатывал и бормотал:

— Ты шибко-то не углубляйся... Оно того... Как бы Васька-то не обиделся... Ну да ладно. Дуй...

Но я знал — он не сердится, глаза его повеселели, лучились, к щекам кровь прилила, точно вошёл с морозу, точно ледяной водой умылся да сухим полотенцем растерся, потом глаза сощурились, проглянули издалека, ласковые, уверенные, как у всех сильных людей, мудрых от своей силы.

Закомалдин совсем ожил. Он уже не ложился в кровать, а топил печь и кипятил чай, потом прихлебывал его из большой белой кружки и без усталости диктовал. Он весь ушел в прошлое, снова жил той жизнью: работал за семерых, провожал из дома сыновей, писал им письма, строил в колхозе ферму, и кровь в его жилах горячилась, будоражила тело. И я опять вспомнил нашего ястреба. Вспомнил, как он долго кружился на лапах, потом взмыл в небо, перекувырнулся через крыло и ушёл к облакам.

В нашу книгу ложились все новые страницы, пришлось подшить к обложке чистую тетрадку. Закомалдин веселел час от часу. До смеху дошло. Он гладил меня по голове, как маленького, подолгу пропускал каждую прядь через пальцы, трогал мускулы выше локтя — мерял силу, потом у себя мерял, бурчал то ласково, то сердито, распахнул в доме все створки, надел высокие сапоги со скрипом и радовался, как скрипят они громко, весело и какой чистый заходит в створки воздух, какие сизые стоят дни, какие хитрые, белые бродят под окном телята, как потемнели от дождя сосны и стали выше. Пол колыхался под его сапогами, он потел от чаю, от своих слов и вытирался чистым платком.

На шестой день закончились дожди. Но книга не кончалась. Нужно было описать ещё несколько послевоенных лет. Закомалдин пожалел меня и повел в бор.

На опушках бродили тени, сосны пахли горьким, над головой отчаянно стучал дятел.

Ступали молчаливые, царственные, ведь всё кругом было наше богатство. Закомалдин шевелил губами — лицо не улыбается. В бору было душно, тропка заходила в канавы и овражки, там внизу журчали ручьи, сновали ящерицы, по лопухам скакали лягушки; шли тяжёлые дурманящие запахи — прорастала трава, грибы; забирались в глубь земли корнями молодые сосенки, гнила старая чаща; где-то рядом кричал дикий голубь и ёрзали на сучках сороки.

Совсем недавно здесь проходил леший — кое-где сосенки свалены с корнем. Закомалдин остановился у одной такой сосенки, перевел дух, дышал он трудно, грудь вздымалась высоко, только глаза смеялись: «Жить... Жить...»

Я его плохо слушал. Думал о том, что всё равно когда-нибудь напишу книгу, которая будет самой хорошей на свете.

Закомалдин стоял на земле твердо, без палки, и улыбался. Был ещё могуч, по-молодому строен, только седая белая голова говорила, что жил он на земле долго, что он самый мудрый в деревне и знает всё на свете.

Закомалдин стоял, шурился, видно радовался, что закончились, наконец, дожди и пришло тепло, что он обхитрил смерть, и сейчас будет жить вечно.

— СОЛОВЬИ —

Соловьи рано оживают. Много их в Берёзовке, тихой, просторной деревне. Она стоит у реки, в берёзах вся, в дикой малине. По берегу бегут избы белым пологим изломом, и кажется, что упадут скоро в воду, утонут. Здесь, у перевоза, живут соловьи. Слушает их по ночам перевозчик Ваня.

В мае река кипит, мост снимают, льдины как быки ворочаются, роют берег гладкими веселыми лбами, колются, погибая в воронках. Льдины проходят, и начинается гудеть моторка. На другой берег, пологий, безлесный, она везёт трактористов, повариху Нюру с бидонами, Олю Михайлову — книгоношу. Они на пашню торопятся, на сев, а к вечеру — опять к перевозу. Часто и ночи прихватят.

Ночью караулит у воды Ваня Шевалдышев на смоляной плоскодонке. Через месяц он уезжает в Находку. Будет жить там у дяди, работать на консервном заводе, где дядя — начальник смены. Может, и на траулер примут. Ещё никому из берёзовских парней не удалось почему-то отсюда уехать, а он уедет, и оттого ему весело, хоть пой песни.

Ночью у воды холодно, страшно, и Ваня часто курит, кашляет в руку. Ему кажется, что от дыма становится теплее. Думает Ваня, как станет жить в Находке, на берегу Тихого океана, где ходят огромные пароходы и гонятся за ними чайки... Но приезжает на велосипеде

повариха Нюра. Она толстая, подсадная, дразнят её Квашней. Она его не видит.

— Где ты, Ванька-я? Опять отлегся?

Он сажает Нюру на корму, грузит велосипед, бидоны и гребёт, презрительно щурясь, пыхая в темноте папиросой. Лодку сбивает течением. Нюра повизгивает от страха, сваливается набок, шатает лодку.

— Ой, парень, уронишь... Кому говорят, уронишь....

Он гребёт сильнее, хохочет. Нюра воет.

— Ойёчиньки, Ванька-я... Язви его, парничка!..

Ваня успокаивает ее, интересуется дочкой:

— А где ваша Оля?

— Газету рисует... Бригадира-то всё ж продрали... Ну да... А ты чего?

— Когда, говорю, кончит?

— Ох, Ванька-я... Я знаю! — Нюра тоже хохочет, снимает с головы платок, и конец его падает в воду, она не замечает. Все смотрит на Ваню, любовно проводит глазами по цепким плечам, по круглой голове и вдруг представляет его в шляпе — и вся трясется, закатывается до слёз, а Ваньку всё ведёт под руку Оля, а на нём — шляпа на голове крутится, и он серьёзен, ноздри раздуты. Не проходит долго видение.

— Ты шляпу хоть раз надевал? Поглядеть бы!..

— На курицу в юбке погляди... — сердится Ваня, а она всё хохочет и уже воды не боится, да и берег близко. Уже у берега лезет в карман на кофте, достает горсть жареных семечек, сует Ване:

— На, разглуждайся...

— Язык смозолю...

— Здравствуешь, зятёк... Что губу-то отквасил, ну-ко, ну-ко!

Ваня протягивает вперед ладонь, и она сыплет ему семечки.

Лодка о берег стучается, и Нюре совсем весело:

— Хыы-ы, река — не река... Аида, зятёк!..

Выгребает из лодки бидоны, они сильно гремят, пугают тишину.

Обратно Ваня гребёт сильнее, ему жарко, губам сухо, и на середине реки он долго пьет, свесившись с лодки.

Приходят трактористы и Оля. Их перевозить интересно. Олю он оставляет на последний раз, когда уже совсем сходит ночь и луна напрягается от синего света, и берёзы и река светлеют, и вместо воды видится большое белое поле, по которому не плыть бы, а боси-

ком бежать — забежаться.

И вдруг открываются соловьи. Они быстро входят в охоту, хоть и далеко до рассвета — на улице ещё народ, хоть у клуба их гармошка перешибает, хоть и мешают они говорить Ване. Но если бы замолчали, было бы хуже, потому что он боится Оли, вдавливая до боли ногти в ладошку, делается для себя злой, незнакомый, и когда сажает её в лодку, то берёт за руку и замирает. И уже в лодке всё сжимает Олины пальцы, и та чуть не плачет, кусает губы, кричит на Ваню, бьёт его сухой крепкой ладошкой, но в уме только — не в жизни.

— Ты очень устаёшь, Ваня? Очень?

— Привыкший.

— А ночью не боишься? Всё ж ночью?..

— Светло ведь...

— Светло, аха. И соловьи.

— Какие соловьи? Я вот на Восток ездил — там соловьи!.. А тут пигалки...

— А ты когда опять едешь?

— Через месяц...

— Подыщешь там какую-нибудь, специальность заведёшь — и больше не вспомнишь... До нас ли... Гребь-ка давай скорей!..

— Ты не надо. Ты, Оля, не смейся...

— Эх, Ваня... Я напишу тебе. Ладно? Ну, чего ты?.. Ты говори, говори... Чего ты?

Ваня сомлел, потерялся, губы зашевелились, забухало сердце, слились берёзы в белую мелькающую черту, и закричали соловьи громко, насадно, и выпали вёсла. Они заболтались в уключинах, лодка вбок пошла, а вёсла в воде застревали, булькали, и лодка стала кружиться на месте, потом понесло её боком.

— Куда мы, Ваня?.. Ты гребь, гребь. Я не буду... Не буду. Ты говори только. Ты на меня смотри. На меня. Ну, чего ты? Я буду спрашивать, а ты говори, а, Ваня?.. Ты когда поедешь? Неужели через месяц? Ты слышишь?.. А у меня папку зовут тоже Ваней, да ты знаешь... Я с ним везде хожу, он меня зовет Лёлей... Ты зови меня так, ладно?.. Хорошо, правда: Оля — Лёля... Ваня? Я дурочка, да, да? Ну скажи... Я говорю, говорю, а ты... Опять поют...

— Они настоящие...

— Ну и пусть... А у тебя как отчество?

— Мартемьянович...

— Ух ты!.. Здравствуйте, Иван Мартемьянович... А у тебя отец

двоедан?

— Рядом не стоял...

— Я же так, так... Ты обними меня... Обними... Ну что ты?.. Ты ещё никого не обнимал? Никого?

У Вани губы спеклись. И он думал: то ли во сне всё, то ли не во сне. Река неслась. Соловьи кричали. И ему опять страшно пить захотелось. И когда он наклонился, чтоб напиться, вдруг увидел в воде свое лицо, плечи, они зыбились, дрожали, и снова Ване стало страшно, беспокойно, что всё это сон, ненастоящее — Лёля, и соловьи, и река, и синие берёзы, и слова Лёлины, которых было ждать не дожидаться, а сейчас вот они, слушай, лови, милые, неожиданные, а лодка уже давно шла сама. До одного берега было близко, к воде кусты спустились, и казалось, что они из воды растут, и она их бережёт.

— Ваня? Куда мы плывём?.. А как обратно? Ты почему не гребёшь?

— Я не знаю... Пускай, Лёля. Пускай...

— Ты ещё повтори. Ну, повтори. Повтори. Как ты меня назвал?

— Лёля. Лёля...

— Ну, хватит, хватит... А то надоест... Тебе надоест, Ваня?

— Ты что, Лёля? Я тебе тоже буду писать.

— А океан какой?

— Даже не сказать. Вода, вода!.. Тёмная, в реке светлее. А утром — лучше. Солнце из воды встаёт. Сперва закраина вылезет, потом всё, как пятак, и свет от него другой... Как вишенье, вода горит.

— Ваня-я, ты бы не ездил!

— Кого я здесь выроблю? А там, может, на траулер уйду... По крайней мере, в океане!

— А я как?..

Оля смеялась, уже привыкая, что Ваня её боится, робеет, а она уже этим гордилась, начинала любить себя за то тайное, счастливое, чего так боялся Ваня, которое не назовёшь словами, не увидишь, но только приходит оно внезапно и остаётся.

Лодка пошла тише на повороте. Кончился поворот, и вдруг совсем широкой стала река, и если повдоль посмотреть, то она как океан — нет берега, нет конца, и он — белый, глубокий; у Вани закружилась голова, и он стал курить. Соловьи сделались тише, но стало от них грустней, точно пели они где-то взаперти, не пели, а старое вспоминали, переговаривались. И Ване захотелось вдруг новых Лёлиных слов, обещаний, потому что уезжал он навсегда к Тихому океану,

и жить будет трудно без Лёли, А она сидела тихо, только гладила его руку и пугалась его больших сильных пальцев, и думала, что у них с Ваней родится дочь когда-то и назовут её Лёлей по маме, чтоб любил её отец и берег, а потом они так же возьмут лодку и поедут. И когда так думала, становилась вся разбитая, для себя непонятная. Но смотрела на него и опять видела свою дочку, беленькую по Ване, и в глазах всё белело, распадалось, и вместо реки она видела большой белый океан.

Река делалась всё шире, луна — всё светлее, соловьи то пели, то замолкали, впереди мелькнули огоньки — новая деревня. Она прошла мимо лодки тихо, бесшумно, не говорили на улицах люди, молчали собаки, и деревня тоже стояла на берегу в берёзах, и дома тоже чуть не падали в воду, и если б их напугать, то упали б со страху в воду и утонули.

Опять на берегу ожили соловьи. И про них вспомнила Оля.

— Неправда, что ненастоящие... Соловьи и у нас бывают...

— Может, бывают... Ну, пусть бывают...

Ваня обнял Лёлю. Соловьи закричали громче. А он думал о Лёле, о своей жизни, о своей земле, по которой еще не ходил, не ездил, о своей деревне, где самые хорошие люди на свете — и Лёля, и Нюра — Лёлина мама, и его папка, думал о реке, о белой ночи, о том, что вот и к нему любовь пришла, а он её боялся, только о ней думал, только видел во сне, и понял Ваня, что никуда ему не уехать из дому, всё равно затоскует. И когда так решил, в душе что-то освободилось, растаяло, дышать стало легче. На воду от луны села мгла, вода покапталась совсем белая, слышней захлюпали вёсла, занули уключины, а он прижимал к себе Олю, и та присмирела, стихла и думала, что плыть бы им так долго, как по Тихому океану, чтоб не приставать к берегу, чтоб никого больше не видеть, и ночь бы не кончалась, не заходила луна, не останавливалось течение. Ваня мучился, что она молчит, вздыхает, может сердится, может, что не так, в груди опять собралась теснота, — и вдруг поднялся во весь рост, она тоже к нему метнулась, он схватил её за локти, притянул к себе, она вся задрожала, а лодка заколыхалась, бросились от неё в стороны волны.

— Ваня, не уезжай! Зачем тебе этот океан? И здесь океан. Гляди — воды-то... Сколько воды-то! И ты — как капитан! И все тебя любят. А там? Без тебя людей — тысячи, кораблей всяких — тысячи... Теснота в океане-то...

— Ну, ладно... Я и сам решил.

Ваня сел на скамейку. Оля — тоже. Он замолчал, опустил пальцы в воду, им стало щекотно, усмехнулся, вспомнив её слова: «Ты — как капитан!» Опять промелькнула в памяти вся прошлая поездка в Находку: и то, как первый раз увидел желтую воду океана, как вглядывался в горизонт до рези в глазах, потому что не верилось, что океан у ног, можно его потрогать рукой. А потом за неделю привык к нему, о нём забыл, только когда домой вернулся, часто мерещился ему во сне медленный шум океанской воды, только она была зелёная, под снежной пеной, и корабли плыли такие же снежные, с золотом от солнца на бортах. Потом привык к такому океану — снежно-зелёному, сонному, и сейчас, когда решил к нему не ехать, в душе что-то растаяло дорогое, но на смену пришло новое, счастливое, от чего содрогалось сердце.

— Ваня, Ваня!.. Ты говори, говори... Ну, я не знаю...

Но сама тоже молчала.

Лодка пошла совсем тихо, упало течение, потому что река стала громадной, и до берега даже голосом не достать, соловьи замолчали, и понял Ваня, что он любит Лёлю, и эту реку, и березы, и всех людей на свете, и будет жить он вечно на этой земле.

— Ваня, а теперь не поют...

— Я слышу...

— Да нет же...

— Слышу.

— А где наша Берёзовка?

— Я, Лёля, не знаю... Мы ведь, как в океане...

— Теперь, Ваня, слышу... Вот они... Вот они...

Лодка пошла ещё тише. Начинаясь поворот, а океан всё не кончался, уносил с собой.

Алексей
Захаров

Родился 30 июля 1971 года в городе Кургане. В 1993 году окончил Курганский машиностроительный институт, учился в Курганском государственном университете на специальности «Психология» и был постоянным слушателем и активным участником литературной студии Виктора Потанина при КГУ. Работал менеджером на производственном предприятии, журналистом, предпринимателем, торговым представителем. Прозу начал писать с 2002 года. Участник форума молодых писателей, организованном в 2005 году фондом Виктора Астафьева в Красноярске, ежегодного форума молодых писателей в Москве («Липки») в 2005-2007 годах. В 2006 году стал стипендиатом Федерального агентства по культуре и кинематографии.

За его плечами — многочисленные публикации в местных периодических изданиях, а также в столичном журнале «Москва» и журналах «Перовестник» (г. Красноярск), «Литературный Башкортостан», в русскоязычном журнале «Флорида» (США), в коллективном сборнике «Новые писатели», который вышел в Москве в 2007, 2008 годах.

В 2008 году вышел в свет первый сборник повестей и рассказов Алексея Захарова «Ловцы звезд». В Союз писателей принят в 2009 году.

Графический роман Алексея Захарова «Тугун. Победитель двух солнц», созданный по мотивам сказаний нивхов — коренного народа Дальнего Востока и острова Сахалин, увидел свет в 2021 году.

— ТУГУН. ПОБЕДИТЕЛЬ ДВУХ СОЛНЦ —

фрагмент романа

1

Поход в бассейн, о котором тренер объявил ещё неделю назад, неожиданно отменился. Поэтому последняя перед летними каникулами тренировка сборной Дальневосточного университета по мини-футболу проходила привычно — в спортивном зале, с диагональными ускорениями и отработкой пасов. Тугун был рад, что так приключилось. Ведь, в отличие от других членов команды, он, новичок-

первокурсник, которого взяли в сборную всего лишь месяц назад, не умел плавать...

От наступившего тепла и распахнутых окон в зале было солнечно и радостно-звонко. В конце тренировки ребята разделились на две команды и устроили футбольную баталию. Их поджарый и щеголеватый тренер по прозвищу Тарантино стоял у боковой линии и строго надзирал за тем, чтобы не случилось свалок. Команды шли в счёте ровно, и игра грозила завершиться вничью, но за минуту до финала Тугун сумел перехватить мяч и неожиданно для всех устремился вперёд. Он уже почти вышел к воротам, но в следующее мгновение увидел Боба, который на бешеной скорости летел ему наперерез.

До столкновения оставалась секунда. Бобин, который был выше Тугуна на целую голову, наверняка бы его смял, но тут произошло то, что уже случалось с Тугуном дважды. В первый раз он испытал это состояние в прошлом году, когда дождливым вечером на его младшую сестрёнку Таник внезапно вылетел внедорожник. А во второй раз — зимой, во время каникул, проведённых у бабушки и бабушки в Налитво.

В тот день он бродил в ожидании Лаурик по краю припая Татарского пролива, выглядывая в выступах скал вкрапления цветных минералов. Тугун любил камни. Ему нравились распадки и горы, нравились дикие необъятные дали. Он любил леса и реки, и его всегда тянуло раскрыть их вечные тайны. Он верил, что когда-нибудь сумеет найти сокровища, которые прячет земля, чтобы затем подарить их людям. Поэтому он и поступил в университет на геолога. И в тот раз на пустынном берегу пролива Тугуну тоже верилось, что ему повезёт отыскать для Лаурик камень необыкновенной расцветки.

Он подарит ей этот «цветок», а она, улыбнувшись в ответ, возьмёт его за руку, и они пойдут дальше и будут идти вместе всю жизнь.

Погода выдалась ясной и не по-зимнему тёплой, отчего в пуховике было немного жарко. Красивых камней не встречалось. Но вскоре Тугун увидел в расщелине прожилку кварцита и, желая разглядеть минерал, подступил к каменной стенке и ткнул в трещину перочинным ножом. Однако «кварцит» на поверку оказался обычным льдом, оплавившимся на солнце. Тугун разочарованно отёр лезвие ножа от ледяных крошек и оглянулся на море. На пролив порывами дул восточный ветер, который под скалой почти не ощущался.

Но странно: в следующую секунду Тугун вдруг почувствовал, как его охватил сильный озноб. Будто тело обвила большая противная

змея. Не понимая, чем вызван этот холод, он зачем-то взглянул на вершину скалы и внезапно увидел огромный камень, который, сорвавшись с обрыва, летел прямо ему в голову...

Тугун помнил, как от предчувствия неминуемой гибели он весь внутренне сжался в тот момент. И от этого неимоверного напряжения, мгновенно возникшего в нём, мир неожиданно замер. Как и тогда, в осенний дождливый вечер, когда внедорожник почти подмял под себя Таник.

...Он видел, как камень неподвижно завис над головой и ветки стланика на вершине скалы перестали мотаться от ветра. Всё оцепенело вокруг, и даже звуки пропали, но зимним морем пахло по-прежнему. Как долго так продолжалось, Тугун сейчас не смог бы ответить. Наверное, целую вечность. Или полвечности.

Затем оцепенение вдруг спало, и, повинаясь инстинкту, он шагнул в сторону. А в следующую секунду обломок скалы рухнул на берег. Камень разможил старый топляк и зарылся в песок. Неизвестная сила, внезапно пробудившаяся в Тугуне, помогла ему уберечься. Точно так же, как до этого она помогла ему спасти Таник, выдернув её из-под колёс тяжёлой машины.

Вот и сейчас эта сила снова в нём ожила. За секунду до столкновения Бобин застыл в стремительном беге, с разинутым ртом и настолько глупым лицом, что захотелось вдруг рассмеяться, но Тугун сдержался. Он устремился к воротам и отправил мяч точно в «девятку» — в левый угол, между перекладиной и плечом вратаря.

В следующее мгновение всё вновь пришло в движение: вратарь выбросил к перекладине руки, вокруг послышался топот, а Бобин, ухнувшись в пустоту, полетел в ноги тренеру. Со стороны это выглядело потешно: ладный высокий парень ни с того ни с сего толкает руками воздух, после чего валится на пол. Девчонки, устроившиеся на балконе в ожидании тренировки по волейболу, даже прыснули со смеху. Они решили, что Бобин дурачится. Но он и не думал. После падения Боб тут же вскочил и, не понимая, как такое могло приключиться, озадаченно посмотрел на мяч, лежавший в воротах.

— Ты прямо Роналду, Тугун, — похвалил тренер и дал длинный свисток, означавший конец игры. — До сентября, чемпионы! Всем приятных каникул!

Ребята из сборной дружно направились к выходу. От досады Боб выпнул из ворот мяч и попытался залепить вратарю подзатыльник. Тугун с улыбкой посмотрел на него. Пускай финальный гол ничего

не решал и их команда продула вчистую, он всё равно был доволен. Бобу он нос утёр.

Бобин не был капитаном, но слыл забиякой. Он смотрел на других ребят свысока и с ехидцей и сразу после прихода Тугуна в команду взялся его задираить. То подступит с расспросами о том, видел ли Тугун милков¹. То начнёт расспрашивать, когда он пойдёт в тайгу ловить медвежонка, чтобы вырастить его для медвежьего праздника², попутно интересуясь, не будет ли Тугуну жалко убивать бедного зверя, после того как тот станет взрослым.

— Ведь это всё равно что взять в дом щенка... — размышлял Бобин, с лукавством взирая на окружающих, — вырастить бедного, с руки выкормить, а потом через три года хладнокровно вонзить ему в сердце нож!

И шкуру содрать!

От этих слов девчонки из волейбольной команды охали и, ожидая, что ответит Тугун, во все глаза таращились на него. А довольный Боб продолжал в том же духе. Он приставал с подобными вопросами, потому что Тугун был нивхом, а медвежий праздник считается в его народе главным. Откуда Боб об этом узнал, предположить было легко: оттуда же, откуда разведал о милках, — наверняка прочитал в интернете. Тугун первое время ловился на удочку Боба и терпеливо объяснял, что его народ издавна верил в то, что медведи — это горные люди, принявшие облик зверей. Поэтому, убивая медведя, нивхи считали, что помогают горному человеку возвратиться в его родной мир.

За что тот в благодарность станет им помогать на охоте.

— Но всё это теперь не имеет значения, — разъяснял Тугун, — потому что сейчас медведей не убивают. Нивхи больше не организуют медвежьих праздников, всё это в прошлом.

— В прошлом? Вы что, теперь и в милков не верите? В ваших злых чудищ? — с притворным недоумением любопытствовал Боб.

— Может, кто-то и верит, но только не я, — Тугуну не нравились расспросы Боба, поэтому он всякий раз стремился скорей завершить разговор.

А недавно, когда тренер стал практиковать для сборной походы в

¹ Милк — злой земной, морской, горный дух в мифологии нивхов. Представлялся страшным, злобным лохматым существом.

² Медвежий праздник — главный праздник в древней культуре нивхов. Представляет собой комплекс строго табуированных ритуалов, направленных на почитание медведя как тотемного животного.

бассейн, Бобин, узнав, что Тугун не умеет плавать, принялся дразнить его «сухопутной рыбой». Но, в отличие от других членов команды, которых Бобин тоже подначивал, Тугун не обижался. Какой смысл дуться на человека, если у него натура такая? И Бобина никак не исправишь, и сам будешь выглядеть глупо. Не зря бабушка часто говаривала: «Обижаться на злых людей — только время жизни напрасно терять». Тугун был с ней согласен. Не стоит тратить жизнь на обиды, ведь от этого плавать всё равно не научишься...

Когда Тугун вошёл в раздевалку, там было шумно. Переодеваясь, ребята бойко обсуждали окончание учебного года и делились летними планами. Тугун опустился на лавку и, стащив футболку, расслабленно прислонился к прохладной стене.

В следующую секунду в раздевалке появился Боб. Он сел у противоположной стены, напротив Тугуна, и с ухмылкой уставился на него. Тугун улыбнулся в ответ.

— Зато я плавать умею, — сказал Бобин громко, так, чтобы слышали все. — В отличие от сухопутной рыбки по имени Тугунок.

Его слова и в этот раз не задели Тугуна. Он понимал, отчего этот задира сейчас злится. Бобин не мог побороть обиду, а значит, тратил время жизни впустую. Но тут уж ничего не поделаешь. Человека никто не в силах обидеть до тех пор, пока он сам этого не захочет.

На высказывание Боба никто из ребят внимания не обратил. Многие из них уже стали покидать раздевалку. Тугун поднялся с лавочки, надел рубашку и принялся застёгивать пуговицы. Нужно было спешить. Предстояло ещё собрать в общежитии дорожную сумку и сдать коменданту комнату. Самолёт в Южно-Сахалинск, где жили его родители с сестрёнкой Таник, вылетал в семь утра. Тугун планировал провести с ними три дня, а затем отправиться в Налитво.

Поэтому, одеваясь, он неотступно думал о Лаурик, с которой его ждала скорая встреча. Никто из ребят в сборной о ней не знал. И в группе, в которой Тугун учился, он тоже никому про Лаурик не рассказывал. Зачем? Тугун ревностно хранил от других людей тайну их нежного чувства, зародившегося прошедшей зимой, в те дни, когда он гостил у бабушки и дедушки. На вопросы однокурсников о том, как он рассчитывает провести лето, Тугун лишь скупно отвечал, что поедет к родителям отца в маленькое нивхское поселение на западном побережье Сахалина. При этом он ни словом не пробалтывался о Лаурик. А ведь именно ради неё он с таким нетерпением стремился в Налитво. Не для того чтобы полакомиться вкусной юколой,

заготовленной дедом, не ради знакомых ребят, а чтобы увидиться с ней. С самым важным человеком в его жизни.

2

Поезд медленно подъезжал к станции, на которой ему предстояло сойти. После этого он пересядет на вахтовку, приспособленную властями под автобус, и ещё два часа будет трястись по грунтовке, лентой стелющейся по восточному берегу Татарского моря. Тугун, конечно, знал, что правильно говорить «Татарского пролива», но его тянуло называть пролив именно так, потому что хотелось думать, что Лаурик живёт на берегу моря. Бескрайнего, манящего и загадочного. За необъятным простором которого лежат неведомые земли, хранящие необыкновенные тайны и чудеса.

Тугун выучил предстоящий маршрут наизусть, ведь до этого ему случалось ездить в Налитво только с отцом на машине. Он подробно запомнил расписания поезда и автобуса и знал, какое количество километров предстоит преодолеть, как много часов уйдёт на дорогу и сколько остановок сделает поезд, прежде чем рельсы станут непрестанно клониться к Охотскому морю. «Девять часов, двадцать девять минут», — повторил про себя Тугун. Столько времени он проедет на поезде, прежде чем сойдёт с него.

Он сидел на нижней полке купе, лицом к проходу, и представлял свою встречу с Лаурик. Он думал о том, какие слова они друг другу скажут. Будет ли их разговор непринужденным и легким, или в первые минуты они испытают некоторую неловкость.

«Да, наверное, так и окажется, — волновался Тугун, — и в этом нет ничего удивительного, ведь мы не виделись так долго. Четыре месяца! И не только не виделись, но и почти не разговаривали!» Сотовая связь в Налитво ужасная, поэтому те несколько попыток поговорить по телефону, что они предпринимали в течение первых недель после расставания, полноценным общением назвать было нельзя. Всякий раз разговор превращался в мучительное испытание. Связь или обрывалась, и в трубке наступало космическое безмолвие, от чего приходилось нажимать кнопку отбоя, или в динамике начинал выюжить северный ветер. Но зато они переписывались. Почти каждый день. И, на удивление, их маленькие электронные послания

доходили исправно, без всякой задержки. Тугун помнил почти дословно большинство из них. Поэтому, несмотря на разлучные месяцы, он был уверен, что если и возникнет между ними временная неловкость, она тут же исчезнет, стоит ему только взять Лаурик за руку.

Все эти мысли о предстоящей встрече с любимой одновременно и радовали, и тревожили Тугуна. Он вспомнил, как впервые увидел её. Нет, он наверняка должен был встречать Лаурик на улицах Налитво и раньше, когда приезжал туда с родителями, но отчего-то не помнил этого. А вот нынешней зимой, во время новогодних гуляний на сельской площади, сразу её заприметил, и, когда столкнулся с ней взглядом, тут же почувствовал, как сердце заколотилось. А потом он целый день думал о Лаурик. И ночью не смог заснуть до тех пор, пока твёрдо не решил, что днём снова пойдёт на площадь и, если встретит её, обязательно заговорит.

Так он и поступил. Как только проснулся, поспешил на площадь и там сразу же увидел Лаурик. Она стояла возле снежной горки и словно ждала его. А когда Тугун подошёл, улыбнулась и уверенно взяла его за руку, будто они были знакомы уже давно. После этого они разговаривали до самого вечера, и он многое узнал о её жизни. Узнал, что Лаурик младше его только на год, что с пор, как её отец пропал в море, она живёт с мамой и бабушкой.

Они могли бы переехать в Ноглики, куда их всё время зовёт родня мамы, но бабушка наотрез отказывается покидать Налитво.

Бабушка продолжает ждать своего сына, отца Лаурик, и верит, что он обязательно вернётся. Она боится, что, если они уедут, сын, возвратившись в их дом, застанет его пустым и тогда уже потеряется навсегда.

А ещё Лаурик рассказала, что хочет стать ветеринаром. Она любит животных и почти всегда знает, что они чувствуют и чего хотят. «Я их понимаю. Только посмотрю им в глаза — и сразу же многое знаю про них», — поделилась Лаурик.

Еще она рассказала, что значит ее имя: «Хороший ветер. Лаурик — это хороший ветер». И засмеялась. Звонко, светло и счастливо.

— Да. Хороший ветер... Благоприятный ветер, — раздался голос с верхней полки напротив.

Тугун невольно вздрогнул и с удивлением поднял голову. С полки неспешно, но довольно ловко, несмотря на возраст, спускался сосед — старый нивх с морщинистым лицом и седой бородой. Сколько ему лет, определить было сложно. Может, шестьдесят, а может,

все семьдесят. Тугун помнил, как старик сел в вагон глубокой ночью, на какой-то маленькой станции, где поезд простоял всего минуту. Из поклажи у него были только полупустой брезентовый рюкзак и тёплая куртка. Кроме Тугуна в купе никого не было. Старик тогда осмотрелся в сумеречном вагонном свете, заметил его, лежавшего на нижней полке, и что-то пробормотал. Тугун притворился спящим и не стал здороваться — ему показалось, что вошедший был чем-то недоволен. Потом старик опустил рюкзак на соседнюю нижнюю полку, бросил туда же куртку, а сам сноровисто забрался навверх.

«Мне почудилось или он действительно услышал мои мысли?» — поразился Тугун. Старик сел на нижнюю полку и сунул ноги в сапоги-дутьши.

— Хороший ветер, — повторил он и внимательно посмотрел на Тугуна.

Несколько секунд Тугун молчал, потому что не знал, что ответить. Может быть, он так замечтался, представляя себе скорую встречу с Лаурик, что начал говорить вслух? «Наверное, так и есть, — решил Тугун, — только странно всё это. Раньше я за собой такого не замечал. И родители не говорили, что подобное со мною случается. Но по-другому слова старика никак не объяснить. Ведь не читает же он в действительности мои мысли».

— Я, наверное, сейчас вслух гово... — неуверенно начал Тугун. Но старик его перебил.

— День будет тёплый. Много солнца будет. Хороший ветер дует с юга. Благоприятный ветер. Посмотри сам.

Старик кивнул в сторону окна, приглашая его взглянуть на набравшее силу утро. Тугун повернул голову и увидел, что за окном действительно очень солнечно и, по всей видимости, тепло. Ласковый ветер волновал ветви деревьев, слегка покачивая их. Всё говорило о том, что день будет погожим.

— Лето пришло, — согласился Тугун.

Он снова взглянул на соседа и понял, что тот уже его не слушает: старик сосредоточенно рылся в рюкзаке — как и ночью, бормоча что-то себе под нос. Наконец старый нивх вытащил из мешка деревянную фигурку собаки, выкрашенную в кирпичный цвет, замусоленный кусок вяленой рыбы и, повернувшись, стал смотреть сквозь открытую дверь купе на проход, так, будто ждал, что сейчас непременно кто-то появится. И точно, тут же в купе вбежал большой рыжий пёс с белым пятном на голове, напоминавшим звезду. Бросив на Тугуна

равнодушный взгляд, он сунулся к старику, осторожно взял из его руки рыбу и принялся с аппетитом грызть.

«Как соседу удалось попасть в вагон с собакой? — удивился Тугун. — И почему проводник не требует держать её в купе, в наморднике?»

Тем временем пёс проглотил лакомство и тут же снова выскочил из купе. А в следующее мгновение из коридора раздался его грозный рык, а следом кто-то пронзительно вскрикнул.

Желая узнать, что случилось, Тугун поднялся на ноги и выглянул в коридор. Там он увидел двух парней лет двадцати, один из которых, чертыхаясь и морщась от боли, обвязывал платком окровавленную ладонь.

— Чёрт! Руку распорол! — раздосадованно проворчал парень, обращаясь к товарищу. — Посмотри, тут из рамы шуруп торчит!

Пса рядом уже не было. Тугун посмотрел в другой конец коридора, но собака словно растворилась. Тугун ещё раз внимательно оглядел проход и обернулся к старику, чтобы рассказать о случившемся. Но старик заговорил первым.

— Пёс его зубами хватил, — сказал старик, пряча фигурку собаки в рюкзак. — Мы с парнем вместе садились. Я заметил, у него на макушке тох¹ прилеплен. Кусочек смолы. Это значит, что его поместили. Но родителям парня не придётся плакать, потому что их сына теперь не украдут.

— Кто не украдёт? — Тугун ничего не понял из того, что сказал старик.

— Как кто? Берущий Человек². Но теперь парень защищён. Мы с псом постарались. Берущий Человек не крадёт тех, у кого есть раны, потому что крови боится. Слова старика вызвали у Тугуна недоумение, и он решил, что тот над ним подшучивает, дурача рассказнями про собаку.

Ведь парень в коридоре ясно объяснил, что там случилось. «Хитрый старик, — подумал Тугун. — И странный. Но подшутить надо мной у него не выйдет, каким бы лисом он ни был».

— В мире существует много всего, во что люди теперь не верят. И что замечать перестали, — недовольно пробурчал старый нивх,

¹ Тох — отметина из смолы, которой Берущий Человек помечал того, кого собирался украсть.

² Берущий Человек — злой дух, крадущий людей. По поверьям, живёт в природной земляной насыпи. Нивхи считали, что Берущий Человек боится крови, виден только издалека, а вблизи исчезает.

затягивая шнур рюкзака. — Они не верят в Берущего Человека, а после гадают, что же стало с их пропавшими родственниками. Не верят в Ралк, крадущую глаза у девушек, и в палангу¹ — жителей камней. И во много чего ещё. Их дело, пускай не верят. Вижу, ты тоже не веришь.

С этими словами он надел куртку, взял рюкзак и, выйдя из купе, направился к тамбуру. «Он точно надо мной подтрунивает», — утвердился в своей мысли Тугун, провожая старика взглядом.

В следующее мгновение поезд качнулся и встал. По коридору потянулись люди. Тугун поглядел в окно и только сейчас понял, что состав прибыл на нужную ему станцию. До желанной встречи с Лаурик оставалось совсем немного времени. Не теряя ни секунды, он схватил ветровку, перекинул через плечо сумку, в которой лежала коробка японских конфет, и выбежал из вагона. На платформе Тугун попрощался с проводником и, осмотревшись вокруг, заметил своего попутчика. Старый нивх в этот момент уже входил в здание станции.

3

Через два часа Тугун был в Налитво. Выйдя из автобуса на сельской площади, он сразу направился к дому Лаурик. Встречные люди узнавали его и, улыбаясь, приветливо здоровались. Тугун тоже здоровался с ними и, несмотря на то что ему хотелось сейчас побежать, старался идти спокойным размеренным шагом.

Он знал, что некоторые из сельчан оглядываются и смотрят ему вслед, а потому изо всех сил сдерживался, не желая выдать своего нетерпения. Ведь все в селении знали, что дом его дедушки и бабушки находится в другой стороне, а значит, люди могли начать себя спрашивать: «Отчего это Тугун, только что приехавший в Налитво, идёт не к дому своих родных, а спешит в другую сторону?»

Может, у него есть дела поважнее? Да и верно, он ведь торопится увидеться с Лаурик! Вот как он сильно по ней соскучился!»

¹ Палангу — существа, живущие в больших валунах и скалах на морском берегу. Их могли видеть только близнецы

Так Тугуну представлялось, что могут подумать люди, если заметят его спешку. Поэтому он старался идти не торопясь, ничем не выдавая своих чувств.

Дом, где жила Лаурик, располагался на краю той части деревни, что выходила к бухте. Это было удобно для их встреч. В дни зимних каникул они уходили к морю и, сидя на старой прохудившейся лодке, подолгу разговаривали о разном, а потом шли гулять вдоль припая, время от времени со смехом бросаясь друг в друга снежками.

В доме он Лаурик не застал. Там была только её старая бабушка Пылымк. Она сидела возле окна, смотрела вдаль слезящимися глазами и, водя деревянным смычком по струне тынрына¹, через его печальные звуки выражала тоску по пропавшему сыну. Тугун знал: она часто так делает — своей музыкой зовёт сына возвратиться домой.

Пылымк сказала ему, что Лаурик ушла на берег поискать съедобных ракушек. Не теряя ни минуты, Тугун тоже отправился к морю, но, дойдя до их заветной лодки, нигде Лаурик не заметил. Тогда он забрался на вершину небольшой скалы, напоминавшей спящего медведя, огляделся и увидел две женские фигуры, удалявшиеся от него. В одной из них он без труда узнал Лаурик, она несла корзину, а вот другая была ему неизвестна. Эту высокую худую женщину Тугун видел впервые. Одета она была необычно — в причудливый длиннополый хухт² с капюшоном, разукрашенным крупными черно-белыми узорами.

Тугун сразу определил, что женщина не местная, в Налитво никто так чудно не одевался. А кроме того, в селении не было женщин такого высокого роста.

Закричав изо всех сил, он позвал Лаурик и помахал руками, надеясь привлечь её внимание. Но она не услышала его зова. А вот незнакомка оглянулась. Тугун надеялся, что следом обернётся и Лаурик, но этого не случилось, обе продолжали от него удаляться.

Тугун бросился их догонять. Но пока он спускался со скалы, Лаурик и женщина в хухте скрылись за излучиной берега. Он быстро добежал до поворота и, переводя дух, ещё не видя своей любимой, снова позвал Лаурик, в надежде, что она остановится и дожждётся его.

В следующий момент Тугун услышал впереди громкие шумные

¹ Тынрын — национальный струнный инструмент, «нивхская скрипка».

² Хухт — нивхский женский халат.

всплески и подумал, что на берег накатила бурная волна и ударила о прибрежные камни. Он оглянулся на море, но странно — оно, как и прежде, оставалось спокойным.

Выскочив из-за поворота, Тугун снова увидел Лаурик, и её вид встревожил его. Она сидела на песке на коленях — так, словно только что споткнулась и упала.

Тут же лежала опрокинутая корзина с рассыпавшимися ракушками. Удивительно, но незнакомки рядом не было. Неожиданное исчезновение высокой женщины выглядело странно, но Тугуну некогда было размышлять о том, куда та подевалась. Он подбежал к Лаурик, осторожно поднял любимую на ноги и отряхнул с её одежды песок.

— Привет, ты не ушиблась? — озабоченно спросил он.

Девушка ничего не ответила. Она, не мигая, смотрела поверх его плеча куда-то в сторону моря, и в её лице сквозили оторопь и страх. Тугун решил, что Лаурик расстроена из-за того, что ракушки рассыпались, и кинулся их собирать.

— Вот, возьми, — произнёс Тугун, протягивая вновь наполненную корзинку, — я всё собрал. Теперь мы можем пойти домой и угостить Пылымк вкусным обедом.

Но Лаурик снова ничего не ответила, а на её лице по-прежнему сквозила тревога.

— Что со мной? — после паузы растерянно сказала она.

— Ты упала и уронила корзину, — ответил Тугун:

— Я этого не помню. А кто ты?

Тугун сначала опешил от её слов, но потом тут же решил, что Лаурик над ним подшучивает, как и тот старик в поезде, и решил подыграть.

— Я мореплаватель из далёкой страны, — с улыбкой произнёс он.

— Я приплыл за тобой, чтобы увезти в сказочный край. Меня зовут Тугун, и я полюбил тебя, как только увидел.

— Тугун? Я не знаю никакого Тугуна. И я почему-то не вижу тебя! У меня что-то случилось с глазами!

— Перестань, Лаурик, хватит дурачиться, — Тугун продолжал улыбаться.

Он приблизился к ней и нежно поцеловал в щёку. Он ждал, что Лаурик в ответ засмеётся и признается, что веселилась, и они пойдут к ней домой, и поедят вкусных ракушек, а потом вернётся Нолгук, её мама, и он расскажет им про свою учёбу. Но внезапно Лаурик резко от него отстранилась, развернулась и кинулась прочь. И то, как

она побежала, испугало Тугуна. В эту минуту он осознал, что Лаурик с ним не шутит, она действительно была незрячей.

— Я не вижу тебя! — закричала Лаурик. — Я ничего не вижу!

В следующее мгновение она споткнулась о кусок топляка и упала на берег. Когда Тугун к ней подбежал, Лаурик лежала без чувств. Он бросил корзинку на влажный песок, подхватил любимую на руки и осторожно понёс в Налитво.

Дома она почти сразу пришла в себя, и это воодушевило Тугуна, однако радость его оказалась недолгой. Зрение к Лаурик так и не вернулось.

А кроме того, она никого не узнавала. Она не только не помнила Тугуна, но забыла и Пылымк, свою бабушку. Она по-прежнему не знала, что с ней случилось и где находится.

Нолгук в этот день была у родни в том городке, где Тугун сошёл утром с поезда, поэтому принимать решение предстояло ему. Он бросился к соседу, у которого был старенький японский микроавтобус, и попросил отвезти Лаурик в больницу. Сосед слыл в селении отзывчивым человеком.. Людям было известно, что он никогда ни с кем не бранится и всегда доброжелателен. Но теперь, увидев ослепшую Лаурик, которую он маленькой часто нянчил на коленях, сосед грозно прищыкнул на бабушку и запретил ей тянуть на тынрыне заунывную песню.

— Хватит тебе, старая Пылымк, лить печаль! — крикнул он, выбегая из дома. — Лучше собери вещи для внучки, мы сейчас едем!

Дорога в город показалась Тугуну почти бесконечной. Весь путь он пытался заговорить с Лаурик. В ответ она молчала, плотно сжав губы, и всякий раз, когда он пробовал взять её за руку, выдёргивала ладонь. Время от времени в её глазах появлялись слёзы, и тогда у Тугуна ещё сильнее сжималось сердце, потому что он не знал, как успокоить любимую.

Когда они приехали в больницу, Лаурик увели к врачу, а Тугун остался ждать в коридоре. Сосед тем временем отправился разыскивать Нолгук.

Не прошло и часа, как они возвратились. Нолгук посмотрела на Тугуна с тревогой и, не сказав ни слова, опустила в соседнее кресло. Тугун понимал, почему мама Лаурик не заговорила с ним. Сосед наверняка рассказал ей о том, что случилось, поэтому напрасные слова сейчас были никому не нужны. Пустая болтовня напоминает шум ветра, который всем только мешает, а поздороваться они и так

поздоровались, просто взглянув друг другу в глаза.

Поэтому они сидели и молча ждали, с напряжением вглядываясь в конец коридора, откуда должна была прийти весть. Или добрая, или дурная.

Наконец в проходе зазвучали шаги и появилась пожилая медсестра с картонной папкой в руках. Увидев её, Тугун и Нолгук разом вскочили.

— Вы — мама девочки? — спросила сестра, останавливаясь возле Нолгука. — Новостей пока нет. Результаты анализов будут готовы лишь утром, поэтому приезжайте завтра, к полудню.

Она заглянула в папку и, ожидая вопросов, снова посмотрела на них. Но Тугун и Нолгук, ничего не сказав, молча направились к выходу.

На следующий день уже другая медсестра, высокая и молодая, отвела их в кабинет, на двери которого висела табличка «Заведующий неврологическим отделением».

За столом сидел пожилой хмурый доктор. Тугун и Нолгук поздоровались с ним и опустили на стулья напротив.

— Лаурик потеряла память и зрение, — произнёс врач, дождавшись, когда они усядутся.

Услышав его, Тугун едва не вскочил. «Чтобы это понять, вам понадобилось так много времени?!» — захотелось ему воскликнуть, но, бросив взгляд на Нолгука, с надеждой взиравшей на доктора, он сдержал свой порыв.

— Полчаса назад мы собирали консилиум, — продолжил врач, постукивая карандашом по столу, — но так и не смогли определить причину болезни. Обследование ничего не дало. Инфекции и физиологических нарушений у вашей дочери нет. Сейчас зрительные клетки у Лаурик здоровы, но вопреки этому она не видит. Да, такое случается — иногда люди без видимых причин слепнут и утрачивают память. Даже самые молодые.

— И как же быть? — тихо спросила Нолгук.

В ответ врач всплеснул руками и бросил на стол карандаш:

— К сожалению, мы можем не всё. Если не произойдет чудо, Лаурик навсегда такой и останется...

Потом он сказал, что консилиум решил оставить Лаурик в больнице на десять дней.

— Посмотрим, может, будет динамика. А если нет... — врач замолчал, и его взгляд смягчился и даже, как показалось Тугуну, сделался чуточку виноватым.

Доктор снова взял карандаш и раскрыл толстую папку, лежавшую перед ним на столе.

— Что ещё вам сказать, я не знаю. А теперь извините — нужно работать, — произнёс он.

Покинув кабинет доктора, Тугун и Нолгук отправились навестить Лаурик.

В палате она была одна. Её соседки в этот момент разбрелись кто куда. Одни смотрели телевизор в столовой, а другие бродили по коридору, время от времени заводя разговоры с медсёстрами. Лаурик лежала в постели, подсунув ладошки под щеку, и казалось, что она спит. Её лицо выглядело спокойным, но Тугун всё равно уловил в нём оттенок печали.

Стараясь ступать неслышно, он опустил на тумбочку коробку японских конфет и сел на соседнюю кровать.

Но как бы они ни старались вести себя тихо, Лаурик всё равно распознала их присутствие рядом с собой. Она открыла глаза, села в кровати и, вытянув ноги, устремила перед собой невидящий взгляд.

— Здравствуй, доченька, — сказала Нолгук.

— Здравствуй, Лаурик, — произнёс едва слышно Тугун.

Девушка повернула лицо в его сторону.

— Кто вы? — спросила она. — Ваши голоса я не помню.

— Лаурик, это я — Тугун, а рядом со мной твоя мама.

Тугуну не верилось, что всё это правда, что Лаурик забыла его, как забыла и всех людей, которых знала прежде.

— Ну как же так, доченька? Разве ты не помнишь меня? А нашу бабушку Пылымк? А соседа? Он был другом твоего отца и часто приходил в гости. Да и сейчас навещает, чтобы помочь, когда нужна мужская рука. Это он нас к тебе привёз своим стареньком микро-автобусе.

— Не помню, — покачала головой Лаурик. И я не знаю, есть ли у меня бабушка...

— А меня? — настойчиво спросил Тугун. — Меня помнишь?

— Нет, — ответила Лаурик. — А разве должна?

— Да, должна! Должна помнить! Потому что я люблю тебя! — не выдержал Тугун, схватив её за руку.

Он не ощущал стеснения в присутствии Нолгук, потому что не стыдился своих чувств. В эту минуту самым важным для него было разбудить любимую от того морока, что внезапно завладел ею. Но, как бы он этого сейчас ни желал, Лаурик не проснулась. Она отстра-

нилась от него, освободив руку, и холодно произнесла:

— Значит, я бы помнила. Но я не знаю тебя.

Тугун с отчаянием посмотрел на Нолгук. И та, не выдержав его взгляда, с болью в глазах отвернулась к окну. Тогда Тугун, не сказав больше ни слова, выбежал из палаты.

*Электронная версия романа доступна на сайте Сахалинского областного центра народного творчества по ссылке:
<https://ocnt-sakhalin.ru/services/nashi-izdaniya/graficheskiy-roman-po-motivam-legend-i-skazaniy-nivhov-tugun-pobeditel-dvuh-solnts/>*

Мария Бородина

Мария Бородина родилась в г. Кургане в 1995 году. Училась на естественно-научном факультете КГУ, активно занималась подготовкой студенческих постановок и написанием сценариев.

СОГЛЯДАТАЙ

Медленное падение снежных солдат прерывало лишь мерное мурчание кота, надёжно обосновавшегося на широком подоконнике. Снег, начавшийся ещё днём, и не думал заканчиваться, очевидно, решив истощить небесные закрома, настолько плотно он падал. Девушка, замершая у тёмного окна, не могла рассмотреть в стремительно наступившем сумраке дорожки, ведущей к дому. Как назло, фонари сегодня не спешили зажечься, что помогло бы взволнованному соглядатаю. Но фонари не торопились.

Короткий вздох, выдающий волнение, — и кошачье урчание прервалось, но в полумраке сверкнули два глаза. Рыжий кот выгнул спину, стряхивая сонную недвижимость, и, тихо переступая, подобрался к прилипшему у окна соглядатаю. Тонкая рука привычным движением потрепала кота за ухом, получив в ответ довольный мявк и недовольное фырканье, когда движение руки остановилось. Лапы кота оторвались от подоконника и оказались прижатými к колючему свитеру, но, самое главное, мерное почесывание рыжего уха возобновилось, а значит, в кошачьем мире всё вернулось на круги своя.

Фонари, стряхнув налипший снег, вспомнили о своей ежевечерней работе и, моргнув пару раз для пущей убедительности, разразились желтоватыми конусами света, выхватывающими лишь небольшую часть пространства из обители темноты.

Запоздалые прохожие, покрепче закутавшись в шарфы, быстрым шагом перебежали от одного фонаря к другому, время от времени останавливаясь и, поднимая глаза к тёмному небу, ловили замёрзшим лицом ещё пару снежинок. В эти мгновения ребяческая радость мелькала в их глазах, но ещё мгновение — и прохожие вспоминали, что на самом деле они серьёзные взрослые люди и, шевеля плечами,

словно ёж иголками, ещё быстрее продолжали свой путь.

Очередной прохожий, закутанный в теплый шарф, отделился от освещённой площадки и скорым шагом, протаптывая дорожку для последователей, направился к дому, внимательно вглядываясь в неосвещённое окно. Старая подъездная дверь скрипнула, эхом отражаясь от снежной тишины, и мужские плечи исчезли за серым полотном.

Знакомый щелчок замка, и в лицо дохнуло теплотой квартиры, а перед глазами предстала нежная улыбка позднего соглядатая с рыжим котом на руках. Мужчина, шагнул вовнутрь, стягивая с носа шарф и радостно улыбаясь.

— Я дома!

— ПУГАЛО —

Осеннее поле в сумерках казалось бескрайним океаном, а шепот травы напоминал отзвуки волн. И, казалось бы, не было в мире никого и ничего, способного нарушить это безмятежное спокойствие.

Промозглый вечерний ветер проникал под кожу щуплого мальчика, сидящего на пригорке. Время бежало к раннему закату, как гуси бегут на водопой. Вдали по просёлочной дороге возвращались железные кибитки работавших в городе. Сидящих внутри не было видно, но мальчик знал, что сейчас их измученные лица больше всего похожи на смятые салфетки.

Ветер не давал долго сидеть на месте, и, подхватив рюкзак, щуплая фигурка двинулась к центру поля, где возвышалась белесая голова, галантно прикрытая шляпой, но в изъеденном солнцем и ветром облачении. Стоящий был высок, и мальчику пришлось отклонить голову, чтобы заглянуть в тыквенное лицо. Тонкие руки выудили из рюкзака старенький детский шарф. Подпрыгивая, мальчишке удалось накинуть сине-зелёное полотно на деревянную шею.

— Ты ведь тоже замерз, — пробормотал мальчик, натягивая свою шапку пониже на выгоревшие за лето брови.

Кирилл Меньщиков

Кирилл Меньщиков родился в 1995 году в г. Кургане. Своё детство провёл в селе Хлупово. Учился на факультете математики и информационных технологий КГУ, там же окончил магистратуру по психологии. Писать стихи начал со школьной скамьи. В 2011 году со своим произведением выступал на районном конкурсе чтецов, где получил положительный отзыв от поэта и учителя — Юрия Александровича Сафронова.

«МНЕ НУЖЕН КТО-ТО РЯДОМ...»

КНИГА

Хочу читать тебя как книгу — бесконечно.
Мечтаю я твои страницы пролистать.
Готов держать тебя в руках я вечно —
И никому для чтения не давать.
Сюжет твоей души прекрасен —
Я оторваться от него не в силах.
А иногда бывает он опасен,
Но это всё пустяк. Обложка так красива,
Что глаз я отрывать не смею
И бережно храню, как книгу.
А с книгой по-другому не умею.
И каждый день читая понемногу
Боюсь занятие закончить это —
Я сразу же теряю вдохновение,
А что быть может хуже для поэта?

—— МАЛОЙ РОДИНЕ ——

Деревни не найти прекрасней
Для тех, кто детство здесь своё прожил.
И можно посочувствовать несчастным —
Всем тем, кто про село своё забыл.

А тот, кто малой родиной гордится,
Достоин уважения и похвал.
Ведь если край родной тебе приснится,
То это значит, он тебя к себе позвал.

Позвал тебя природой насладиться
Своих лесов, что ждут тебя давно.
Позвал тебя селом своим гордиться,
В котором свет увидеть было суждено.

—— ОСЕННИЙ ДЕНЬ ——

Сквозь дождь и мерзопакостных прохожих
Иду домой по слякоти и лужам.
Вокруг людей так много непохожих.
Возможно, я кому-нибудь и нужен.

А дома кот голодный грустно плачет,
Он думает: «Когда же будет ужин?».
Приду домой — хвостом мне помаячит.
Я знаю, что коту я точно нужен.

Довольный кот лежит на мне, мурлычет.
Играет музыка, и свет притушен.
Мне одиноко в окружении привычном,
Мне нужен рядом кто-то, правда, нужен.

— ПУСТОТА —

За мыслью мысль
И за строкой строка.
И рядом чистый лист,
И к ручке тянется рука.
Когда на небе ночь,
А рядом пустота
И ты не хочешь спать.
Лежишь ты до утра.
Потом чуток вздремнёшь
И это всё пройдёт.
Ты снова спрячешь мысль,
Но ночь её найдёт.
И ты опять не спишь,
И пишешь до утра
Историю о том,
Что рядом пустота.

Владислав Ушаков

Родился перед уходом XX века — 20 сентября 2000 года. С ранних лет интересовался писательством и рисованием. В начале 2010-х к списку увлечений присоединилось моделирование. В это же время получил синий диплом художника — выпускника ДШИ №2. В 2015–2016 годах опубликовал свои первые произведения на сайте Litnet. На данный момент учится на третьем курсе политехнического крыла КГУ. В генеалогическом древе, как минимум, один родственник-писатель — Фёдор Чащин.

— ГИТАРИСТ —

Был полдень. Жаркое пустынное солнце щедро освещало одинокую деревушку, запрятанную среди молчаливых холмов. Казалось, что это селение было очередным миражом, ибо его улицы нещадно заносились песком и скрипели ставнями от случайного ветерка. Здешние здания мало отличались от старых надгробий — стояли, словно зачумлённые, обезображенные равнодушным Временем. На их фоне выделялась местная церквушка, сверкавшая на пылающем солнце своей белизной. Перед ней размещалась небольшая площадь с цветущими клумбами и пересохшим фонтаном, на краю которого сидело первое встреченное здесь живое существо.

Это был паренёк лет двадцати, державший на коленях классическую гитару и тонко настраивавший её чувствительные струны. Одетый с ног до головы в белые одежды, он напоминал небесного ангела, апостола, сошедшего с фасада священного здания. Его умение обращаться с гитарой стало неоспоримым, когда музыкант перешёл к настоящей игре.

Сначала струны как будто скромничали, словно остерегаясь ловких пальцев. Потом их звучание стало всё отчётливей и громче, пока мелодия какой-то народной песни не понеслась по занесённым улицам и переулкам. Услышав знакомые мотивы, из хмурых домов вывалились люди, удивившиеся целебной силе музыки и решившиеся отыскать её источник.

Вскоре на церковной площади собрались целые толпы, и к гитаристу присоединились мастера игры на других инструментах. Здесь уже слышались звуки возвышенной флейты, деревенской скрипки и кавалерийских барабанов. Вместе инструменты создавали какую-то новую заводную мелодию — мировой шедевр, который слышали лишь местные жители и от чего пускались в пляс. Казалось, что даже площадной фонтан, услышавший вместо церковных молитв людское веселье, освободился от запёкшейся грязи и наполнил свои чаши живительной влагой.

Смотря на всё это, гитарист не мог сдержать приятную улыбку, выступившую на его лице. Однако он грезил не о таком. На самом деле, парня уже давно завлекло желание уехать в поистине большой город и сыскать там себе заслуженную славу. Для этого он каждый день, каждую ночь тренировал свою игру, пытаясь вывести лучшую музыку, по которой его запомнят.

Ох, гитарист, гитарист... Твои мотивы честны, но наивны. Ты думаешь, что одним талантом сможешь сразить широкую публику наповал, а слава о тебе навсегда останется в сердцах тысячи людей. Ты отказываешься верить, что тот, кого называешь другом, разразится чёрной завистью к твоему успеху и захочет присвоить чужие труды, вычеркнув автора из жизни. Ты рассчитываешь, что твоя девушка, любимая так горячо, как жарит Солнце, всё поймёт и уедет с тобой в далёкие дали, но ты никогда не решался поговорить с ней о своей дерзкой мечте.

Но в любом случае... Гитарист остаётся гитаристом. Он сам вправе решать, как прожить жизнь, выиграть в ней или проиграть. Главное, чтоб он помнил, что своими действиями определяет не только свою судьбу, но и жизнь или смерть одинокой деревушки, запрятанной среди молчаливых холмов.

Виктория Беспалова

Любит музыку, литературу и историю. Пишет с 7 лет, с удовольствием читает вслух стихотворения, занималась в театральной студии. Окончила музыкальную школу, играла на баяне, сейчас осваивает гитару. После окончания школы получает высшее образование в Симферополе, будет специалистом в сфере туризма.

ДЕТСТВО

*Детство — это огромный край,
откуда приходит каждый.*

А. де Сент-Экзюпери

Что такое детство? Детство — это маленькая и уютная страна, жителями которой являлся каждый из нас. Мы росли, со временем покинули этот теплый мир фантазий, громкого смеха и различных игр. Это самая яркая полоса жизни, которая навсегда останется в сердце, грея душу своим горячим огнем.

Все мы родом из детства. У каждого человека да найдется маленький шрам, который напомнит о том, как, например, он первый раз сел на велосипед, или же полез на дерево за кошкой, неудачно поставил ногу и упал... А как приятно будет найти на чердаке свою старую любимую игрушку! Такая пыльная, с оторванным ухом, но сколько радости было, когда прижимал ее к своей груди, целовал, укладывал спать рядом с собой...

Но самым теплым и самым горячим огнем душу согреют воспоминания о родителях. Каждый вспомнит, как нежно мама гладила нам голову перед сном, как заботливо поправляла одеяло, как она гордилась, когда вела нас за руку в 1 класс. У каждого в голове возникнут строгие, но такие добрые папины глаза, мы с удовольствием вспоминаем, как весело с ним было играть и дурачиться.

Детство — это такая пора, когда мы учимся чему-то новому, узнаем что-то, даже путем каких-то неудач. Становимся личностью. Мы развиваемся, усваиваем какие-то уроки, благодаря этому каждый

из нас вырастает собой: неповторимым, таким, каких больше нет в целом мире, каждый из нас индивидуален, и это все благодаря такой замечательной и теплой поре нашей жизни-детству..

Так почему же наше детство — это огромный край, откуда приходит каждый? Все просто. Ведь все мы начинаем свой жизненный путь именно с этой поры. Именно здесь мы учимся любить, верить в чудеса, жить и наслаждаться жизнью, улыбаться вопреки всему. Именно в детстве формируется наш характер, мы становимся теми, кто мы есть. Несмотря на то, что мы такие разные, нас объединяет одно — мы все родом из замечательной страны под названием «Детство».

— МОЖЕТ, УЛЫБНЕШЬСЯ? —

Снова косым взглядом наградили?
Снова, разрыдавшись, в угол жмешься?
Они посмеялись и забыли.
Может, хоть раз молча улыбнешься?..
Обронил он слово, и ты веришь?
Ты серьезно после слов его трясешься?
Какая есть ты – здесь решать тебе лишьь.
Может, просто молча улыбнешься?
Люди злые есть. Ты это понимаешь.
Почему тогда от их слов гнешься?
Люди злые. Ты об этом знаешь.
Давай ты просто молча улыбнешься.
За спиною тебя много обсуждают.
И ты до сих пор на них ведешься?
Что они вообще о тебе знают?
Может, просто молча улыбнешься?..
Ходишь тенью и для всех чужая,
Вслух кричишь, но будто в стены бьешься?
Ты не думала, что зря за них сгораешь?
Может, хоть раз молча улыбнешься?
Прекрати искать в себе плохое.
Очень зря на их слова ведешься.
Выкини из своей жизни злое.

Может, просто молча улыбнешься?
Перестань считать себя ужасной.
Их забудь, ведь ты всего добьешься.
Ты была и есть, останешься прекрасной.
Я все жду, когда ты улыбнешься...

— УТРЕННИЙ КОФЕ —

Я пила кофе, стоя у окна. Обычно в такие моменты в голове моей оседает меланхолия. Она, подобно пыли на полках, ложится на стенки головы моей и блокирует проход позитивным мыслям. Я постоянно рассуждаю о смысле жизни, ругаю себя за все неловкие моменты, за неудачи. Заново проживая некоторые ситуации из своей жизни, я пытаюсь разобраться: а почему здесь я поступила так, когда было очевидно, что это не приведет ни к чему хорошему?

Помню, как однажды моей подружке из совсем обычной семьи купили красивую куклу, о которой мечтала почти каждая девочка нашей школы. Эта кукла была такая дорогая, что почти никто не мог позволить себе такую роскошь. А вот ей купили. Она в тот же день принесла ее в школу показать подружкам. Какая же эта куколка была красивая! Зеленые глазки, как у настоящей девочки, смотрели живо и, казалось, все понимали. Аккуратненький носик, губки бантиком, густые русые волосы и пышное розовое платье, украшенное ленточками, стразами, блестяшками... Ну просто принцесса!

Как же я тогда разозлилась... На подружку, потому что я ей страшно завидовала, на родителей, потому что они никак не хотели покупать мне эту куклу. Но я не сдавалась просто так и твердо решила, что у меня обязательно будет эта игрушка. Помню, вернувшись домой, я закатила маме и папе страшную истерику, топала ногами, кричала и плакала, прося о кукле. Но ничего, кроме наказания за свое поведение, я не получила. Я вспомнила о своих бабушке и дедушке. Они никогда мне ни в чем не отказывали и покупали абсолютно все, что я захочу. Но каково же было мое разочарование, когда бабушка, потупившись, сказала мне: «Прости, дорогая, но мы не можем купить такую дорогую куклу». Ни сладости, ни прогулки, ни плюшевые игрушки не смогли тогда унять мою обиду на них. Немного

стыдно вспоминать, ведь и родители, и бабушка с дедушкой делали для меня абсолютно все.

На следующий день подружка снова принесла куклу в школу. Девчонки окружили ее парту со всех сторон, только я одна сидела, насупившись, на своем месте. В классе то и дело слышалось: «А можно...», «Я хочу...», «Какая красивая, дай посмотреть!». В тот день я сделала ужасную вещь.

Когда все уроки закончились, я заметила, что подружка моя оставила свои вещи за партой, видимо, осталась переделывать домашнее задание и вышла ненадолго из класса зачем-то... Я подошла к ее столу и увидела куклу. Такая красивая, ее зеленые глазки показались мне грустными, я подумала, что это от того, что с ней никто не играет. Долго я не думала, схватила ее и убежала из класса прочь. Счастливая, я шла по улице, целовала куклу в холодные розовые щеки, не могла ею налюбоваться. Я так радовалась, считала, что теперь она моя...

В какой-то момент я решила посидеть в парке на лавочке. Посадив куклу около себя, я вдруг задумалась о своей подружке. Я подумала: «Она же, наверное, так расстроилась, ищет, может быть, плачет...». Да и вообще, мне стало как-то грустно, ведь друзья так не поступают...

Я помню, что я просидела так в парке часа два, а потом все-таки решила вернуться в школу. На крыльце здания сидела моя подружка. Она была очень расстроенная, плакала. Я прекрасно знала, почему, но все равно спрятала куклу за спиной, подошла к ней и спросила: «Ты чего?»

— Моя куколка... Пропала. Я вышла из класса всего на минутку!

Мне стало очень стыдно за свое поведение. Я ведь хорошо понимала — воровать нехорошо, а куклу я именно украла. Я достала ее из-за спины и протянула подружке. Та удивленно посмотрела на меня.

— Где ж ты ее нашла?

— Я взяла ее у тебя без спроса. Прости меня. Просто я так хотела такую же куколку... — выдавила я сквозь слезы. Я ждала, что подружка побежит жаловаться родителям, они позвонят в полицию и меня посадят в тюрьму за воровство. Я знала, что это будет заслуженно и мысленно говорила самой себе: «Так тебе и надо, воришка».

Как же я удивилась, когда подружка вдруг обняла меня и сказала: «Я не обижаюсь, спасибо, что ты все-таки ее вернула! Я никому никому не скажу, честно!»

На следующий день она принесла мне куколку, которую сшила сама. — Это не такая, но я думаю, что она даже лучше, ведь моя сделана на заводе и в ней совсем нет частички человеческой души. А эту я сделала сама, со всей любовью, со всей заботой. Играй на здоровье! Я крепко обняла подружку, а игрушка эта осталась самой любимой.

С подружкой этой я общаюсь до сих пор, да и кукла ее все еще живет у меня дома.

Историю эту я вспоминаю не без стыда, однако...

Кофе в моей кружке давно закончился, а я все также стояла у окна и смотрела вдаль. Впервые я поняла: ошибки и неудачи делают нас людьми, учат определенным жизненным урокам. Случай с куклой научил меня тому, что зависть — плохое качество, которое дурманит, обманывает, заставляет вытворять нехорошие вещи. Важно уметь радоваться за других. Ну а еще в любой ситуации нужно быть человеком. Доброта — важное качество, которое никак нельзя терять.

Мысли мои распутались спустя долгое время. Меланхолия больше не тревожила меня. Улыбнувшись, я отошла от окна. Взгляд мой упал на куклу, и я легко вздрогнула. Подружка должна прийти с минуты на минуту, пора собираться...

**Александра
Васильева**

Александра Михайловна Васильева — историк, краевед, заслуженный работник культуры Российской Федерации. Александра Михайловна Васильева родилась 19 февраля 1939 года в городе Кургане. В 1956 году окончила Курганскую среднюю школу №31. Трудовую деятельность начала на Курганском автобусном заводе, принимала участие в сборке первого автобуса. В 1964 году окончила исторический факультет Ленинградского государственного университета по специальности «Историк-археолог». В течение двух лет преподавала в школе. С 1966 по 2010 годы Александра Михайловна работала в Курганском областном краеведческом музее: научным сотрудником, старшим научным сотрудником, заведующей историческим отделом. Она внесла большой вклад в пополнение фондов музея, разработку лекций, подготовку выставок и экспозиций. Тридцать лет Васильева по крупицам искала и находила в старинных книгах, в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Челябинска, Тобольска, Омска, Кургана материал по истории Кургана и области. Только в государственном архиве Курганской области она изучила дела около 40 фондов.

— ФУТУРИСТ БУРЛЮК В КУРГАНЕ —

Февраль 1919 г. запомнился курганцам тремя событиями — 4 числа прибыли первые эшелоны с бойцами Волжского корпуса Каппеля, 9 числа — на курганском вокзале сделал остановку на несколько часов Верховный правитель Колчак и 18 февраля состоялся концерт «отца русского футуризма» Давида Бурлюка. Именно Бурлюк со своими товарищами призывал скинуть с «парохода современности» Пушкина, Толстого, Достоевского. Но эти классики остались и поныне, а о Бурлюке большинство молодёжи и слыхом не слыхивали. А это был талантливый художник, интересный поэт и гениальный организатор. Появившись в Москве в 1907 г., он быстро вошёл в круг молодых художников и поэтов. В это время в Москве оказалась группа талантливых поэтов, почти ровесников, приехавших из российской провинции: Велемир Хлебников — из Астрахани, Алексей Крученых — из Херсона, Василий Каменский — из Перми, Бене-

дикт Лившиц — из Одессы, Владимир Маяковский — из Кутаиси. Маяковский был среди них самым молодым. Бурлюк оказался старше всех и быстро стал лидером.

Виктор Шкловский писал: «И вот тогда приехал толстый, одноглазый, уже не очень молодой Давид Бурлюк». Бурлюк тоже родился в провинции, в степи, около Таврии, в семье управляющего большим имением графа А. А. Мордвинова. У него было три сестры и два брата. Во время детской драки один из братьев выбил Давиду глаз, и Бурлюк всю жизнь носил стеклянный протез, часто закрывая его лорнеткой. Все дети хорошо рисовали, но настоящим художником стал один Давид. Он учился живописи в художественных училищах Казани и Одессы, в Королевской академии Мюнхена, в Школе изящных искусств Парижа. Приехав в Москву, поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества, где познакомился с Маяковским и стал его наставником. Маяковский вспоминал: «В училище появился Бурлюк. Вид наглый. Лорнетка. Сюртук. Ходит напевая. Я стал задирать. Почти задрались... Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель. Бурлюк сделал меня поэтом. Читал мне французов и немцев. Всовывал книги. Не отпускал ни на шаг. Выдавал ежедневно 50 копеек, чтоб писать не голодая». В поэме «Облако в штанах» Маяковский пишет о Бурлюке:

» | *И —
как в гибель дредноута
от душащих спазм
бросаются в разинутый люк —
сквозь свой
до крика разодранный глаз
лез, обезумев, Бурлюк.
Почти окровавив исслезенные веки,
вылез,
встал,
пошел
и с нежностью, неожиданной в жирном человеке
взял и сказал:
«Хорошо!»*

В 1908 г. Бурлюк основал в имении Мордвиновых в селе Чернянка колонию «Гилея», куда вошли его друзья — Маяковский, Хлебни-

ков, Лившиц, Каменский, Крученных и Елена Гуро. «Гилея» выпустила 12 сборников, в том числе «Пощёчину общественному вкусу» и «Садок судей». Друзья решили ознакомить с новым искусством широкие массы и посетили на юге России 27 городов. Сначала Бурлюк выступал с лекцией о футуризме, потом поэты читали свои стихи, после чего начинался жаркий диспут. Бурлюк читал «Мёртвое небо»

» | *«Небо — труп»!! не больше!
Звезды — черви — пьяные туманом
Усмиряю боль ше — лестом обманом
Небо — смрадный труп!!
Для (внимательных) миопов
Лижущих отвратный круп
Жадною (ухваткой) эфиопов.
Звезды — черви — (гнойная живая) сыпь!!
Я охвачен вязью вервий
Крика выпь.
Люди-звери!
Правда звук!
Затворяйте же часы предверий
Зовы рук
Паук.*

Хлебников читал «Заклятие смехом».

» | *О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!...*

В Москве Бурлюк и Маяковский принимали участие в выставках «Бубнового валета», одним из организаторов которого был Бурлюк. Со временем от «Бубнового валета» отделилось художественное общество, получившее название «Ослиный хвост», в который вошли Бурлюк, Маяковский, Гончарова и Ларионов. Бурлюк и Маяковский участвовали в жарких публичных диспутах на любых выставках, за что и были исключены из училища. В силу семейных обстоятельств в 1915 г. Бурлюк очутился в Уфимской губернии, где находилось поместье его жены. Жили они на станции Иглино, в 20 км. от Уфы.

Д. Бурлюк
«Натюрморт»

Сборник стихов
Д. Бурлюка

Кипучая энергия и невероятный темперамент требовали действия, и Бурлюк за два года написал около 200 картин, разных по жанру и по технике, часто ездил в Уфу, посещал Уфимский художественный кружок, сплотивший молодых башкирских художников, и участвовал в трёх выставках этого кружка. В 1917 г. ездил в Москву, желая поправить материальное положение продажей картин, участвовал в выставках, в 1918 г. вместе с Василием Каменским расписал кафе футуристов. В этом кафе Бурлюк познакомился с 19-летним художником Евгением Спасским и пригласил его в Башкирию писать картины. Чудом избежав гибели в Москве во время погромов и расстрелов анархистов, Бурлюк вернулся в Уфу. С ним приехал и Спасский. В сентябре 1918 г. большая семья Бурлюка переехала в Златоуст, где жила с октября 1918 г. по июнь 1919 г. Еще в Москве Бурлюк задумал совершить поездку по городам Сибири, отпечатал афиши для выставок и для концертов, программки выступлений, на которых потом делал беглые зарисовки для желающих. В октябре 1918 г. в Златоусте он выпустил

свой первый сборник стихов «Лысеющий хвост» — маленькую книжечку тиражом 2 000 экземпляров с коротким манифестом футуристов и стихами. Златоусту было посвящено стихотворение «Сонет».

Книжечка разошлась быстро уже в самом начале поездки, и в феврале 1919 г. в Кургане вышло ее второе издание.

Первая выставка картин Бурлюка, Спасского и местных художников, лекции и поэзоконцерт состоялись 9 ноября 1918 г. в Златоусте. Вместе с Бурлюком выступали не только художники, но также его сестра Марианна под романтическим именем Пуанталлина Норвежская — певица, студентка Московской консерватории — и молодой поэт-футурист Борис Четвериков. Четвериков родился в Уральске, окончил гимназию в Уфе, в это время был студентом Томского университета, писал стихи, впоследствии известен своим романом о Котовском. После Златоуста были выступления на Саткинском и Миасском заводах, в Уфе, Екатеринбурге, Троицке, Челябинске. Закончились гастроли на Урале. Дальше была Сибирь. Бурлюк 25 января 1919 г. получает удостоверение, подписанное Главным начальником Самаро-Уфимского края: «Предъявитель сего свободный художник Давид Давидович Бурлюк отправляется в города Сибири с целью устройства культурно-просветительных акций и выставок картин. Удостоверение это выдано Бурлюку на предмет беспрепятственного передвижения и получения железнодорожного билета».

Интересные воспоминания об устройстве концертов оставил Спасский. «За месяц до отъезда в татарской деревне было куплено полотенце с красивой и яркой орнаментальной вышивкой на концах. Из этих ковровых концов Марианна сшила нам два пестрых жилета, которые мы в день концерта надевали. Бурлюк отличался невероятной энергией. Через час после приезда в город он находил помещение для выставки и концерта. В тот же день давал в местную газету статью о футуризме, вечером мы развешивали картины, и в 10 часов утра был вернисаж. Причем, мы с утра и до 12 часов дня, надев пестрые жилеты, гуляли по городу, привлекая тем самым большую толпу народа. Около часа дня мы возвращались на выставку с шумной толпой. Вход на выставку всегда был бесплатный, но начиналась бойкая продажа программ и книжечки «Лысеющий хвост». Первый лист книжечки был оставлен пустым, на котором тут же я или Додя делали беглые рисунки тушью или акварелью, и эти книжечки продавались по двойной цене. На выставке поднимался страшный шум, и обычно нас просили с интересом, а часто с возмущением дать пояснения картинам. Тогда Додя обращался ко мне и просил сказать несколько слов о новом течении в искусстве и объяснить непонятное в картинах. Но как только я кончал говорить,

он тотчас появлялся рядом со мной со шляпой в руке и, обходя всех, говорил: «Всякий труд должен быть оплачиваем», — и собирал порядочную сумму. Концерт и выступления проходили очень шумно. К вечернему концерту я на щеке Бурлюка рисовал рыбу, а он мне собаку и, вставив в петлицы деревянные ложки, мы шли на концерт.

Давид Бурлюк

Общественного собрания, кинотеатры, клубы, все магазины, большие частные дома были заняты военными. Все школьные здания были реквизированы, в распоряжении города осталось только здание 5-го мужского училища, в котором располагался обширный городской школьный музей и передвижной музей земских школ. С трудом удалось договориться арендовать на один день здание этого училища. На следующее утро жители прочитали в газете объявление: «Во вторник, 18 февраля, в Думском переулке, в зале 5 училища выступит известный художник и поэт, отец российского футуризма, знаменитый Давид Бурлюк и поэт-футурист Борис Четвериков и другие. Экстраординарный Лекция-вечер «Градиозар». Футуризм — единственное искусство современности. Отделение первое. Обыватель и искусство. События. Упадок или расцвет. Слова Ренана. Бетховен. Неудачи символистов. Бальмонт. Брюсов. Футу-

После короткого и сочного доклада Доди, а говорить он умел и образно и остроумно, мы читали нараспев стихи: он — свои, Каменского, Маяковского, а я начинал с Северянина, потом Маяковского, Хлебникова и др. Слушали все очень внимательно, но реагировали всегда так шумно, что казалось, зрительный зал начинал колебаться и вот-вот развалится от крика, аплодисментов и свиста. Публика чётко делилась на два лагеря — принимающих и возмущённых. Нас почти выносили на руках на улицу...» .

В Курган Бурлюк приехал 17 февраля и начал поиски помещения с большим залом. Здание

Здание 5-го мужского училища

ристы Каменский, Маяковский, Северянин. Пророчество гения. Отделение второе. Поэзо-концерт. Игорь Северянин — поэты. Маяковский — сказки. Хлебников — футуристы. Давид Бурлюк — стихотворения, Каменский — разбойничьи песни». Выставка картин, акварелей, рисунков и книг разместилась в коридорах училища, вход на неё был бесплатным с 12 до 4 часов дня и вечером с 6 часов. Концерт начинался в 8 часов вечера, и он был платным. На сцене Бурлюк выглядел весьма импозантно — белый жилет, элегантный смокинг, широкие шаровары и охотничьи сапоги, в глаз был вставлен монокль, в петлице смокинга красовалась великолепно раскрашенная деревянная ложка. Он начал вечер лекцией о футуризме, говорил прекрасно, заинтересовал даже принципиальных противников футуризма, а тех, кто увлекался футуризмом, также людей мало знакомых с историей литературы Бурлюк просто загипнотизировал. Он словно из рога изобилия сыпал меткими афоризмами, эпиграммами великих людей прошлого и настоящего — Достоевского, Короленко, Ренана, Гете, Шекспира и других, в то же время объявляя, что их произведения годятся только для «музея мертвецов». Убеждал публику, что футуристы — пророки русской революции и подлинные представители революционной демократии. После лекции Бурлюк начал читать свои стихи, в том числе «Лето», которое слушателями было признано совершенно бессмысленным.

” *Ленивой лани ласки лепестков
Любви лучей лука
Листок летит лиловый лягунов
Лазурь легка*

*Ломаются летуньи листоккрылы
Лепечут ЛОПАРИ ЛАЗОРЕВЫЕ ЛУН
Лилейные лукавствуют леилы
Лепотствует ленивый лгун*

*Ливан лысейший летний ларь лома
Литавры лозами лить лапы левизну
Лог лексикон лак люди лая
Любовь лавины = латы льну*

Читал свое «Мёртвое небо», декламировал

» *...Пускай судьба лишь горькая издевка
Душа — кабак, а небо — рвань
ПОЭЗИЯ — ИСТРЕПАННАЯ ДЕВКА
а красота кощунственная дрянь.*

Читал переложение стихотворения Артюра Рембо «Праздник голода»: «Каждый молод молод молод/ В животе чертовский голод...», стихи Каменского, состоящие из отдельных слогов и звуков. Четвериков читал свои стихи. Не менее футуристические.

Большой статьёй о вечере футуристов откликнулся редактор газеты «Земля и труд» Василий Рябков. Отметив эрудицию лектора, Рябков пишет: «Умный, но спекулирующий своим умом и на невежестве толпы, Бурлюк прекрасно понимал, что вдали от центра, где люди еще морально не так развинчены, как жители столиц, он не может безнаказанно обругать их «свинными рылами», «навозом», «плохим удобрением», а должен дать что-то другое — прекрасное и высокосортное. И Бурлюк встал на этот путь, действительно доставил некоторое эстетическое и умственное наслаждение первой частью своей лекции. Но когда он начал читать свои футуристические стихи... а также стихи других маститых футуристов — Маяковского, Каменского и прочих, поющих «об облаке в штанах», «о дохлой луне», то получилось нечто балаганное, шутовское и не остроумное. А когда он «утверждая бодрость» заявил, что можно «кушать камни, травы, лопать пустоту, и все, что встретим на пути может в пищу нам идти», а в поэзе «Утверждение вкуса» заявлять о любви «к беременному мужчине», то делалось обидно за человека, за умного Бурлюка, и хотелось спросить его: чего тут больше — безграничного ли его дурачества или безмерного презрения к слушателям, которых он, очевидно, считал буквально за дураков, когда всерьез уверял, что эти именно стихи — «истинная прекрасная поэзия», а Пушкин и Фет — это просто ремесленники, которые могли удовлетворять только невзыскательную читающую публику прошлого... Мы вышли

из народа и с ним связаны кровно — утверждал Бурлюк и тут же читает такие стихи:

» | *Русь — один сплошной клоповник!..*
Всюду вшей ползет обоз,...
Русь грязевое болото
Тянет гнойный, пьяный смрад...

Или декламирует бессмысленные стихи Каменского, состоящие из нечленораздельных звуков... А что может дать и какую память об авторе может оставить стихотворение «Ленивой лани ласки лепестков...». Статья Рябкова была разгромная, но Бурлюк, вероятно, её не увидел: участники концерта выехали в Омск, так как в Кургане для второго поэзовечера помещения не нашлось. В Омске Бурлюк задержался надолго, там произошло знакомство с Всеволодом Ивановым, который принял участие в диспутах, а Четвериков навсегда сохранил с ним дружеские отношения. После Омска был Ново-Николаевск, Томск, Красноярск и другие города. До Владивостока Бурлюк доехал 25 июня 1919 г. Отсюда в 1920 г. всё семейство Давида эмигрировало в Японию, в 1922 г. состоялся переезд в Америку, где Бурлюк и окончил свою жизнь в 1967 г..

Николай
Толстых

Николай Юрьевич Толстых родился в 1964 г. в поселке Утес Ивановской области, где окончил начальную школу. После переселения в середине 1970-х годов на родину матери в Зауралье проживает в поселке Варгаши. Учился в Варгашинской средней школе №2. До и после службы в армии работал на Варгашинском заводе противопожарного оборудования. По окончании в 1992 году исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького занялся историко-краеведческими изысканиями. В настоящее время является библиографом-краеведом Варгашинской центральной районной библиотеки.

Печатается в местных газетах, альманахе «Тобол», журнале «Огни Зауралья» и в краеведческих сборниках.

Постоянный участник краеведческих конференций. Провёл ряд исследований по истории Варгашинского района.

Принимал участие в подготовке сборников к 80-летию и 90-летию Варгашинского района: «Уголок России» (2004 г.) и «Варгашинские перекрестки» (2014 г.).

В ТАВРИЧЕСКОМ ДВОРЦЕ ЗАСЕДАЛ И ВЫСТУПАЛ ДЕД ПОЭТА ЛЕОНИДА КУЛИКОВА

Семен Александрович
Воронин

О том, что дед известного зауральского поэта Леонида Куликова — Семен Александрович Воронин — являлся депутатом (членом) III Государственной думы в 1907-1912 гг., мне было известно давно. Об этом факте сообщается в книге дочери С. А. Воронина Антонины Семеновны Куликовой, в которой она рассказала о сыне Леониде (и не только о нем). Книга, вы-

шедшая в 1977 г., так и называется: «О сыне пишу».

Дед поэта был одним из немногих представителей рабочих в Государственной думе Российской империи. Но прежде чем коснуться его деятельности в этом представительном органе, нужно поведать, как он, рабочий из Владимирской губернии, смог пройти в депутаты. Ведь избирательная процедура была очень сложной и не похожей на современный порядок выборов.

Ткач и подпольщик

Родился Семен Воронин в 1880 г. в крае развитого текстильного производства, поэтому переход его родителей из крестьянского сословия в мещанское (городское) сословие при переезде из деревни Голчаново Шуйского уезда в город был типичным. После обучения в земской школе путь совсем еще юного Семена лежал на одно из многочисленных ткацких заведений. Так началась его рабочая биография.

Вместе с развитием и расширением текстильного производства развивалось и ширилось рабочее движение, появились марксистские кружки. В один такой кружок в Иваново-Вознесенске входил и молодой рабочий Семен Воронин. С созданием Иваново-Вознесенского рабочего союза стал его деятельным членом, а позже вошел в состав Иваново-Вознесенского комитета Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП).

Такая деятельность на стыке XIX-XX вв. могла протекать только в нелегальных условиях, скрытно от властей. Но, разумеется, полиция с жандармерией не дремали, поэтому Воронин очень быстро оказался у них под подозрением, а потом и пристальным надзором. Не раз привлекался к дознанию и следствию по делам социал-демократической организации, подвергался арестам. В 1900 г. вместе со своей женой Екатериной Петровной, урожденной Мокруевой, был выслан в Саратов. Там супруги влились в местную организацию РСДРП.

Вскрытие новых улик о подпольной деятельности Воронина в Иваново-Вознесенске повлекло за собой новый приговор в декабре 1901 г. — год заключения в тюрьме. Но в связи с призывом в царскую армию приговор Воронину изменили, подвергнув его заключению на три с половиной месяца в одиночной камере военной

тюрьмы. По тому же делу его жена, ожидавшая рождения ребенка, отбыла во Владимирской губернской тюрьме 4 месяца.

Во время службы Семен Воронин состоял в нелегальной военной организации. Полк, в котором он служил, располагался в Ломжинской губернии Царства Польского (оно входило в состав Российской империи). В революционном 1905 г. солдаты полка отказались участвовать в расправе над рабочими. После демобилизации Воронин устроился на фабрику Гандуриных в Иваново-Вознесенске и вновь включился в подпольную работу местной организации РСДРП.

По ступеням думских выборов

Перед поражением первой революции правящие верхи, которых не устроил состав I и II Государственных дум (это привело к их досрочному роспуску), разработали два варианта нового избирательного закона. Представляя их на выбор царю, они один вариант назвали «бесстыжим». Его-то самодержец и утвердил с обнародованием в печати 3 июня 1907 г. Именно по этому закону, сильно урезавшему представительство рабочих и крестьян в пользу имущих классов, проходили выборы в III Государственную думу. В нее в результате непростой процедуры и был выбран С. А. Воронин.

За бортом выборов — они были невсеобщие, не прямые и неравные — оказалось большинство рабочих, но в 6 промышленных губерниях (Петербургской, Московской, Костромской, Владимирской, Екатеринославской и Харьковской) рабочим разрешалось выбирать своих представителей по так называемой рабочей курии. Сначала Семени Воронину избрали уполномоченным на губернский съезд уполномоченных от рабочих предприятий Владимирской губернии. Потом на этом съезде он был выдвинут в качестве выборщика в губернское избирательное собрание. И только там последовал последний этап выборов: из числа выборщиков-рабочих собрание выбирало одного, кто и становился наконец депутатом (членом) Государственной думы. Таким именно образом по рабочей курии от Владимирской губернии депутатом стал С. А. Воронин. Вместе с ним подобным образом набралось еще 5 депутатов-рабочих: Н. Г. Полетаев, М. В. Захаров, П. И. Сурков, Г. С. Кузнецов, В. Е. Шурканов.

Горстка против глыбы

Все 6 избранных по рабочей курии депутатов вошли в социал-демократическую фракцию Третьей думы. В ее составе оказались также социал-демократы, прошедшие через сито выборов от крестьянского, казачьего и городского населения. Следует отметить, что наличие внутри РСДРП двух главных течений, большевистского и меньшевистского, отразилось и на составе фракции с перевесом в пользу приверженцев последнего. Преобладали меньшевики и в руководстве фракции — в его бюро, зато кандидатами в члены бюро стали большевики В. Е. Косоротов и С. А. Воронин.

Расположившаяся из всего партийного спектра на крайне левом фланге социал-демократическая фракция наряду еще с фракцией крестьянских представителей (трудовиков) оказалась во враждебном окружении подавляющего думского большинства. Оно явилось результатом неравного, с явным преимуществом для крупных собственников, избирательного закона от 3 июня 1907 г. Чтобы через Думу внести запрос правительству по какому-либо вопросу, обязательно требовалось сопроводить его подписями не менее 30 депутатов. Поэтому социал-демократы с этой целью объединялись с трудовиками, проводя тактику левого блока.

Действовавшие при социал-демократической фракции комиссии вели подготовительную работу для выступлений депутатов, внесения ими запросов и занимались разработкой проектов законов. Рабочие депутаты прекрасно осознавали, что внесенные ими законопроекты будут отвергнуты думским большинством. Тем не менее их обсуждению даже в таком случае они придавали важное значение. Через рабочую печать отголоски дебатов проникали в широкие трудовые массы. Они наглядно убеждались в том, что от Думы с преобладанием в ней помещиков и капиталистов ждать настоящей помощи не приходится. Если у кого-то еще сохранялись иллюзии и надежды, то они быстро рассеивались.

Чаще всего С. А. Воронин с товарищами участвовали в обсуждении в думских комиссиях и в зале заседаний Таврического дворца чужих законопроектов, исходивших как от царского правительства, так и его опоры в Думе — правых партий. Но предлагаемые от рабочих представителей поправки отклонялись. Проектам законов, напрямую влияющих на социально-экономическое положение рабочих, члены социал-демократической фракции придавали исключительное

значение. Подтверждением этому служит обсуждение в Третьей думе вопросов страхования рабочих.

В начале XX в. социальное и медицинское страхование рабочих в царской России находилось в зачаточном состоянии. Никакой общегосударственной системы в виде современных Фондов социального и медицинского страхования просто не существовало. Делались только первые робкие попытки облегчить положение трудящихся, причем не всех, а лишь отдельных категорий. Так, например, получилось с министерскими проектами о страховании рабочих от несчастных случаев и на время болезни. Он касался отнюдь не всех лиц наемного труда, чего добивались рабочие депутаты. Однако все их поправки, которые они вносили при рассмотрении проектов в думской комиссии по рабочему вопросу, отклонялись по воле большинства этой комиссии. Удивляться не приходилось: ведь это большинство состояло из помещиков и владельцев предприятий, не желавших поступиться даже малой частью своих прибылей.

Когда трудовики попытались воздействовать на рабочую комиссию путем ее переизбрания, то на сей раз от своих союзников слева, рабочих депутатов, поддержки не получили. Почему? Ответ прозвучал из уст члена социал-демократической фракции Семена Воронина с думской трибуны: «Я знаю одно большинство Государственной думы, которое прибыло сюда благодаря закону 3 июня; то большинство Государственной думы, которое закрыло двери комиссии государственной обороны от истинных народных представителей; то большинство Государственной думы, которое избрало рабочую комиссию, достойную себя, которая топчется другой год на одном месте и никуда не подается; ту рабочую комиссию, которую мой товарищ по фракции назвал антирабочей комиссией. Господа, какую бы комиссию вы не избрали, результат получится один и тот же, ибо от яблони — яблочки, от ели — шишки. Мы, социал-демократы, не можем принять участия в избрании этой комиссии, ибо, как я сказал, результат получится от большинства Государственной думы один и тот же, кого вы ни избирайте. Я не понимаю, как говоривший до меня оратор Петров 3 высказал такую надежду. Мне думается, что подобной надежды высказывать не следует».

Этим Петровым 3-м был член фракции трудовиков Константин Матвеевич Петров, депутат от Пермской губернии, проживавший до избрания в г. Шадринске. Действительно, надежды трудовиков сломить сопротивление думского большинства потерпели заведомую

*Константин Матвеевич
Петров*

неудачу. Их поправки к проектам страховых законов тоже отвергались, а состав рабочей комиссии остался прежним. Воронин с товарищами голосовали против принятия страховых законопроектов, поддержанных большинством Третьей думы.

Вне стен дворца

Помимо работы в стенах Таврического дворца (заседания во фракции, заседания и выступления с думской трибуны) рабочие депутаты вели активную деятельность вне Государственной думы. Такая деятельность вообще-то не считалась обязательной для депутатов и в думских установлениях не прописывалась, однако посланцы рабочих считали своим долгом встречаться со своими избирателями. Для встреч с ними они выезжали в те губернии, от которых избирались в Думу. Полиция брала под усиленный контроль передвижение рабочих депутатов и не разрешала им проводить собрания, пресекая все попытки собраться легально. В этих случаях даже депутатская неприкосновенность не служила защитой: члены Государственной думы арестовывались вместе с участниками собраний. Поэтому рабочие депутаты, не держась исключительно за «кресло в Таврическом зале», устраивали нелегальные собрания и встречи. В их числе был и депутат от рабочих Владимирской губернии Семен Воронин. На заседании социал-демократической фракции 10 октября 1908 г., где заслушивались отчеты депутатов о поездках во время думских каникул, Воронин известил, что он выступил с сообщениями о думской деятельности на пяти нелегальных собраниях (на двух в Иваново-Вознесенске, на двух во Владимире и одном в Шуе).

В круг внедумской деятельности Семена Воронина и его товарищей следует отнести их участие в легальной рабочей печати. С выходом в Петербурге в декабре 1910 г. еженедельной газеты «Звезда» Воронин вошел в число ее постоянных сотрудников. Ведь поначалу эта газета выходила как издание социал-демократической фракции Государственной думы. Потом в 1912 г. «Звезду» сменила уже ежедневная легальная рабочая газета «Правда». Наряду с депутатами А. А. Войлошиниковым, Н. М. Егоровым, М. В. Захаровым, Н. Г. Полетаевым, А. И. Предкальном, И. П. Покровским, П. И. Сурковым в нее корреспондировал и Воронин.

К 50-летию выхода первого номера «Правды» в 1962 г. был вновь издан массовым тиражом его оттиск. Дочери Воронина, А. С. Куликовой, такой оттиск показал поэт Николай Агеев, приехавший в Курган и навестивший Антонину Семеновну и своего собрата по поэтическому творчеству Леонида Куликова. В объявлениях, прямо на первой странице газеты, отмечалось, что член Государственной думы Воронин состоит в числе постоянных сотрудников «Звезды» и «Правды». «Я постеснялась попросить газету, — признавалась в своей книге Антонина Семеновна. — Этот номер «Правды» мне подарил позднее зауральский писатель Павел Кочегин».

Бабушка Леонида Куликова, Екатерина Петровна Воронина, овдовевшая еще в 1915 г., весной 1942 г. прибыла в Зауралье, в село Половинное, где в ходе эвакуации оказались ее близкие. Она могла им выстоять в тяжелые военные годы и не менее сложные послевоенные. До конца своих дней (ее не стало в 1964 г.) переживала за внука Леонида, мужественно переносившего свою болезнь, и радовалась его успехам на поэтическом поприще. Курганский писатель и журналист Степан Сухачевский, касаясь в 1968 г. в своей статье о Л. Куликове периода его жизни в зауральской деревне, писал: «В жарко натопленной деревенской горенке часто шли тихие беседы. Екатерина Петровна рассказывала внуку о его дедушке Семене Александровиче Воронине, видном большевике города Иванова».

О том, что Е. П. Воронина делилась воспоминаниями о муже со своими детьми и внуками, отмечает в книге о сыне сама Антонина Семеновна. Как-то мать напомнила дочери о годах их жизни в столице Российской империи как раз в период депутатства Семена Воронина. У дочери это время успело порядком позабыться.

«— А помнишь ли, Тоня, где мы раньше жили в Питере, на какой улице?»

Таких подробностей я не помнила. Я знала, что жизнь моих родителей была не совсем обычной. Оба они, иваново-вознесенские рабочие, в юности стали социал-демократами, большевиками, были в ссылке в Саратове, сидели в тюрьмах. Я родилась во Владимирской тюрьме». После родились ее братья Евгений и Леонид Воронины, родные дяди Леонида Куликова.

«Мама рассказывает:

— В конце октября седьмого года проводили ивановские рабочие своего депутата Воронина в царскую Думу заседать. И я с вами троими собралась в Петербург, с фабрики уволилась. Тебе, Тоня, было шесть лет. Жене третий год, а Леня еще грудной. Ехали третьим классом, в вагоне тесно. Ищу места, чтобы вас посадить. Меня узнали, кто-то сказал: «Депутаты поехали». Другой ехидный голосок прибавил: «Мы посидим, а депутаты могут и постоять». Но все же потеснились, посадили.

Квартира наша была на Кирочной улице, большая квартира — три комнаты. Свободно вам баловать». Тут, конечно, имелись в виду квартиры, которые предоставлялись членам Государственной думы на период их депутатских полномочий. У Ворониных их квартира служила не только жильем для семьи. Сюда вторгалась оживленная общественно-политическая жизнь, в том числе отражались споры, возникавшие внутри социал-демократической фракции.

Далее повествование подхватывает Анастасия Семеновна: «И я вспомнила, что в гостиную нас, детей, не пускали. Там то и дело ночевали какие-то люди, приходившие к отцу. Попивали чаек, неторопливо шла беседа, звенел голос отца:

— С точки зрения беков... С точки зрения меков... Старик говорит... Старик советует...

Нам с Женей очень нравились эти звонкие словечки «беки-меки». И только взрослой я узнала, что Старик — это партийная кличка Ленина.

Мама нам часто внушала:

— При чужих людях помалкивайте, не болтайте лишнего.

Однажды с папой пришел какой-то человек и шутливо обратился к нам:

— Здравствуй, племя младое, незнакомое!

Мой брат Женя строго ему ответил:

— Не болтайте лишнего!

Взрослые рассмеялись».

Тоня, старшая из детей Ворониных, начала обучаться в школе на Старо-Невском проспекте (сейчас это часть Невского проспекта между площадью Восстания и Александро-Невской лаврой). «По развитию была ниже городских ребят. На дом к нам стал ходить студент. Он давал уроки мне и маме. Когда-то она научилась писать и читать самоучкой. Я кончила два класса, пока отец был в Думе, а в третий ходила уже в церковно-приходскую школу в Ново-Талицах.

Мама вспоминала:

— Я и в Государственной думе была, с балкона смотрела на зал заседаний, на депутатов. Слышала и речь твоего отца».

Дар от дедушки Семена

Летом 1912 г. III Государственная дума после отведенного законом почти пятилетнего срока своей деятельности была распущена. Впереди предстояли новые выборы уже в IV Государственную думу, куда по рабочей курии от Владимирской губернии прошел Ф. Н. Самойлов.

С вступлениями Семена Воронина с думской трибуны его дочь и внук смогли ознакомиться только спустя десятилетия благодаря выпискам из стенографических отчетов Третьей думы, которые прислал им ивановский краевед Ю. Ф. Глебов. Кстати, один из томов таких отчетов, принадлежавший когда-то уже упомянутому выше депутату-трудовику от Пермской губернии К. М. Петрову, находится теперь в областной библиотеке.

Знакомство с речами отца и деда увело А. С. Куликову в воспоминания из своего далекого детства, а Леонида подтолкнуло к творчеству.

«Как будто солнечный луч упал на мои детские годы. Вспомнилось... Папа молодой, широкоплечий, кудрявый, с курносинкой. По характеру веселый, он хорошо пел, сочинял стихи и сказки. В Петербурге мы видели отца редко, некогда ему было заниматься с детьми. А летом, когда Думу распускали на каникулы, мы жили в деревне Анкудиново, у дедушки Петра (Петра Мокруева, тестя Семена Воронина — Н. Т.). Здесь отец был ближе к нам.

Вечер. После ужина мама и бабушка Авдотья моют чашки и деревянные ложки. Папа сидит на лавке. Младший брат у него на коленях. Я и Женя смотрим в рот отцу — он рассказывает сказку. Она без

конца. Начнет с Кощея бессмертного, а кончит рассказами о жизни рабочих. Мама и бабушка улыбаются, а дедушка Петр лежит на голбчике, прислушивается. Иногда папа читает свои стихи о деревне».

Такие счастливые моменты случались нечасто, а начало первой мировой войны и вовсе поставило на них крест. Наряду с десятками тысяч рабочих Семен Воронин был мобилизован на фронт. Его жизнь оборвалась 15 (28) февраля 1915 г. во время сражения за Перемышль.

» | *Когда на фронт ему повестка вышла,
Не оробел в атаке штыковой.
Он был убит при штурме Перемышля,
На склоне высоты шестьсот шестой*

Это строки из стихотворения Леонида Куликова «Рабочий депутат». С его начальных строк поэт воссоздает образ деда как представителя трудовой России в царской Думе в пику ее большинству, представлявшему крупных собственников.

» | *В Таврическом дворце – ума палата:
Тузы и короли во всех углах.
И горсточка рабочих депутатов –
Как пальцы, крепко сжатые в кулак.
Семен Воронин, ткач, фабричный парень,
С иголки рядиться не привык,
А в Питере оделся, словно барин,
Хоть шею жал крахмальный воротник.
Он выходил на думскую трибуну
И под прицелом сотен колких глаз
Речь говорил, смиряя нервы-струны,
Учился защищать рабочий класс.*

Несмотря на гибель деда в расцвете лет, концовке своего стихотворения Леонид Куликов придал оптимистическое звучание:

» | *Погиб солдат из ленинской колонны,
Дочь заменила в партии отца.
А я не видел дедушку Семена,
Но мне по сердцу мужество бойца.*

По прочтении «Рабочего депутата» Антонина Семеновна сказала Леониду:

— А знаешь, сын, твои поэтические способности, наверно, достались тебе в наследство от дедушки Семена.

И в ответ мать услышала:

— Очень может быть.

Ирина
Жукова

Кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и литературы Гуманитарного института Курганского государственного университета

А. ЗАХАРОВ «ТУГУН. ПОБЕДИТЕЛЬ ДВУХ СОЛНЦ»: ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЯ

Читая произведение Алексея Захарова «Тугун. Победитель двух солнц», невольно вспоминаешь детство, радость от новой книжки, еще и с картинками. Да и кого оставит равнодушным опасное путешествие бесстрашного героя во имя спасения возлюбленной?

Член Союза писателей России Алексей Захаров и художник-иллюстратор Екатерина Захарова (Хольда) предприняли попытку решить эстетические, этнографические и просветительские задачи в форме графического романа по мотивам легенд и сказаний нивхов, коренного этноса Сахалина.

Интригующее авторское определение жанра вызывает неоднозначную оценку. С одной стороны, это эффектный прием привлечения молодых читателей. Оригинальность графического романа активно поддерживается форматом книги, шрифтами, дизайном обложки, расположением и оформлением иллюстраций.

Но, с другой стороны, в книге «Тугун. Победитель двух солнц» нет графического оформления, характерного для комикса: сюжет путешествия героя синхронно развивается в тексте и в иллюстрациях. Иллюстрации Е. Захаровой точно передают эмоциональную атмосферу произведения. Но, к сожалению, тьма и злые силы угрожают не только герою, но и читателю. Значительной зрительной нагрузки требует чтение драматически напряженных событий: иллюстрации

почти полностью поглощают текст 12 и 13 глав.

В графическом романе вербальная (словесная) форма передачи содержания неотделима от графической. Обычно термин «графический роман» применяют к рисованным историям с единой сюжетной линией, изданным как целостное произведение, не серийно. Понятия «комикс», «графический роман» и «рисованная история» остаются очень близкими по смыслу и часто взаимозаменяемыми. Вслед за авторитетными исследователями этого жанра мы воспринимаем графический роман как «рассказ в картинках, но не «картинки к рассказу»; не иллюстрированное повествование, но повествование картинками, «иллюстрируемое», по необходимости, вспомогательными текстами» [1, 10].

В конце концов, не столь важно, как названа книга. Важно, чтобы это была действительно интересная история.

Рассмотрим особенности художественного мира книги. Эпиграф «Ты сильнее, чем думаешь!» расширяет границы традиционного сказочного сюжета, где герой преодолевает все препятствия на своем пути, одерживает победы, завоевывает свое счастье.

Тугун — первокурсник Дальневосточного университета — мечтает стать геологом: «Он верил, что когда-нибудь сумеет найти сокровища, которые прячет земля, чтобы подарить их людям» [2, 9]. Ловкость и стремительность привели его в сборную университета по мини-футболу, а желание вернуть любовь Лаурик ведет героя в таинственный мир.

Погоня за злой колдуньей Ралк, которая «крадет у земных девушек глаза, заменяя их морской галькой», становится обрядом инициации главного героя и приемом расширения художественного мира произведения. Если географическое расстояние (Владивосток — Южно-Сахалинск — Налитво) точно измеряется временем (9 часов 29 минут), и преодолеть его Тугун может самолетом, поездом и автобусом, то опрокидывание героя в иной мир происходит стремительно. Морской вихрь переносит студента из привычного мира с интернетом и монографиями в мир иной: «Лывдр соединяет наши миры. Он — проход между ними» [91]. Интересно, что оба мира пребывают в непрерывной борьбе добра и зла. Задирая новичков университетской сборной, утверждается забияка Боб, а наглые, жадные чхаруры (злые морские духи) разрушают жилища м-аг-р. Тугун призван творить добро и устанавливать справедливость и среди студентов, и в ином мире.

Двоемирие определяет особенности композиции романа. Если в начале повествования нарочитая статика в описании героя и в рассказе о таинственной болезни Лаурик тормозит развитие сюжета, то приключения Тугуна динамичны. Хронотоп «большой дороги» позволяет автору густо населить «иной мир» злыми и добрыми мифологическими существами, помощниками и вредителями главного героя.

Вызывает восхищение знание древнего эпоса нивхов и стремление А. Захарова представить читателям целостную мифологическую картину мира коренного народа Сахалина.

Однако, на наш взгляд, желание писателя в одном произведении «объять необъятное» делает главного героя неким супергероем. Возникает вопрос: или древнее зло не так опасно для современного человека, если он так ловко одерживает победу за победой, или автор настолько увлечен интерпретацией эпоса, что история Тугуна остается композиционным обрамлением?

Список литературы:

1. Александров Ю., Барзах А. (ред., сост.). Русский комикс. М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 352 с.
2. Захаров А. Тугун. Победитель двух солнц». Южно-Сахалинск, 2021-257 с.

Соавторы

Юрий
Прожога

Русский художник, карикатурист, дизайнер, веб-дизайнер, фотохудожник, журналист. Родился 6 мая 1962 года в поселке Лебяжье Курганской области. Учился в Кургане в 42-й средней школе и 1-й художественной школе. В 1984 году закончил механико-технологический факультет Курганского машиностроительного института. Три года работал на предприятии «Курганприбор». С 1987 года — технический и художественный редактор в курганских областных и городских газетах «Молодой ленинец», «Курган и курганцы», художник компьютерной графики и анимации на телевидении.

С 1996 года — член Союза журналистов России. С 2005 года — член Союза фотохудожников России. Принимал участие в региональных и международных художественных выставках и конкурсах.

В 2006 году в Курганском областном художественном музее прошла персональная выставка «Стаффаж-портрет». Разработчик сайтов, в том числе социальных и общественно-культурных.

В 2001 году становится лауреатом конкурса «Признание» за общественно-культурный веб-проект «Радиокурган».

В 2014 году ведущий спортивный сайт России назвал его лучшим футбольным карикатуристом России.

Автор проекта «Метакурган».

Автор обложки первого номера альманаха «Курган. Текст».

Валерий
Портнягин

Валерий Иванович Портнягин журналист, поэт, публицист, критик.

Родился 21 апреля 1946 года в городе Кургане. Лауреат Всесоюзной и Всероссийской журналистских премий, областной журналистской премии имени Я. Пурица, премии имени Ю. В. Хлямова, городской премии «Признание». Он награждён памятной медалью в честь 100-летия Михаила Шолохова, Почётным знаком Союза журналистов России «За заслуги перед журналистикой», знаком «Отличник печати Зауралья», знаком «Золотая акула» как лучший журналист печатных СМИ Урала.

Валерий Иванович Портнягин — член Союза журналистов России, делегат двух съездов Союза журналистов, в том числе учредительного, на котором принимал участие в разработке Устава Союза журналистов РФ. Его биография представлена в энциклопедии «Журналисты России. XX-XXI». Член Союза писателей России с 2011 года.

«ЧЕСТВУЮ НЫНЕ Я БОГОПОДОБНЫЙ ПРОЦЕССОР»

*Интервью с художником цифровой ориентации
ведёт Валерий Портнягин*

У Дмитрия Пригова есть такой рассказ. Могу его изложить в очень вольном цитировании. Рассказ состоит из маленьких записок такого типа: после выставки пошли пообедать. Обед стоил 700 рублей. Обед — дрянь, тянет рублей на 350. Зато пообщались с тремя искусствоведами — рублей по 800 каждый. В результате получается 2400 чистой прибыли.

Вот такого человека, общение с которым превращается в чистую прибыль, знают многие посетители виртуальных миров интернета. Юрий Анатольевич Прожога (со старого украинского фамилия означает шустрый, прыткий) родился в 1962 году в поселке Лебяжье Курганской области, куда после учебы с Украины приехал работать его отец и аналогично — из Томска — мать. Прожога — художник, фотохудожник, дизайнер, журналист, карикатурист, иллюстратор и «наблюдатель жизни», несомненно, творец, у которого по его собственному признанию «голова разрывается от идей», оформитель книг и просто интересный и добрый человек. При этом он, по его собственному утверждению, тугодум. Однако обложку нового литературного альманаха «Курган.Текст» сделал быстро.

Альманах «Курган.Текст» по замыслу его редколлегии должен заполнить пока пустующее место в литературной жизни Кургана. Это пространство для пишущей и читающей молодёжи города. Вот и Юрий Прожога тоже называет себя «заполнителем творческой пустоты».

— Юрий, не боишься ли ты, что твой проект «Метакурган» поглотит наш альманах, и тот станет частицей твоего «Мета»?

— Нет, не боюсь, наоборот было бы интересно и лестно со своим творчеством стать частицей альманаха. Ближайшие двадцать концептуально-художественных проектов «Метакургана» я бы с удовольствием представлял курганцам на страницах ближайших двадцати номеров «Курган.Текста». Так что имейте меня в виду.

Про «Метакурган» кратко: проект «Курган метафизический» — это авторский художественный акт, призванный творчески и изобразительно перефразировать слово, которое было вначале. И слово было:

«Не лѣпо ли ны бѣшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о Граде Кургане?»

Подумалось, что лепо, зело лепо. «Слово» за слово. Дальше — больше. Рисунок за рисунком, 365 векторных иконок,

сотни картинок, идеи, постеры, наброски, концепции...

Всё своё нарисованное творчество превращаю в ресурс — в различного рода сувенирную продукцию, какой никогда не было в Кургане. А понятие «метафизический», как гласит Википедия, означает смену состояний, в данном случае состояний города в его историческом развитии, культуре, архитектуре, моей детской памяти наряду с созданием новой мифологии города.

Два года занимаюсь этим проектом и, надеюсь, ещё через два года это будет более осмысленно, цельно и многогранно. Курган этого достоин.

— За что ты любишь Курган?

— Тут во мне борются амбивалентные чувства, люблю и не люблю одновременно. Люблю за камерность и некую деревенскую простоту. Есть города, где всё божественно красиво, но холодно, гранитно, не живо и сложно. А есть города как большие и маленькие деревни, где всё тепло, деревянно-кирпично, живо, просто.

А не люблю за то, что порой мне кажется, что книга нашего Александра Александровича Базарова «Хроника колхозного рабства» местами напоминает нашу современную, тутошную

жизнь. Читайте Сан Саныча и всё поймёте. Не брюзжу, цитирую Бродского: «Но лучше поклоняться данности с глубокими её могилами, которые потом, за давностью, покажутся такими милыми».

— Однажды ты сказал о себе, что «превращаешься в старый фрегат». Такая образная речь выдаёт в тебе человека читающего, возможно, и пишущего. Какие книги ты читаешь? И почему именно их?

— Читаю, не пишу. Вернее, пишу, но не вербально. Хотя, если абстрагироваться, то любая визуальная информация — текст, поскольку внутри сознания проговаривается текстом. Особняком — музыка, которая воздействует на чувства.

Кстати, пришло сейчас в голову, что «Слова» Сартра, его вторую главу «Писать» можно отнести и к писателю, и к живописцу одновременно, приравнять их через этот глагол. А первая глава «Читать», думаю, у всех одинакова. В детстве поначалу мы «ощупываем слова, вникаем в смысл», после — садимся на ту иглу, которая заставляет нас за две ночи запоем выпить одолженную у кого-то «Могилу Таме-Тунга» и утром невыспавшимся, полупьяным плестись к восьми — в школу.

Сейчас, отложив всех Ницше, Сорокина, Борхеса, Хёйзинга, прочитал книгу, которую ты мне посоветовал: «Довлатов» (малый ЖЗЛ) Валерия Попова, поскольку с пиететом и огромным интересом отношусь ко всему, что связано с Вячеславом Веселовым. Про питерский период тусовки его филфаковской компании Универа Жданова я слышал из первых уст от Вячеслава Владимировича, с которым мне посчастливилось провести год в одном кабинете. И в этой книге я почти нашёл те нити, которые связывали дружбу той тусовки.

Я представил, как в прайд домашних и упитанных интеллектуальных питерских котов на Рубинштейна, 23 ворвался дикий сибирский манул, не менее интеллектуальный и талантливый, окунавший хвост в Атлантику и морозивший лапы в Арктике. Им не хватало того опыта, который был у Веселова, к тому же прекрасного рассказчика и эрудита. У этого дикого кота «облака всегда были рядом», а у них лишь двести метров до Фонтанки.

— И.. про книги

— Да, про книги. Читаю и перечитываю. Недавно перечитал сборник «Алеф» Борхеса. Борхес — это тот писатель, ко-

торый опрокидывает сознание наизнанку. Первое его прочитанное «Пьер Менар, автор Дон Кихота» меня перевернул так же, как Марсель Дюшан переиначил определение «искусства» своим «Фонтаном»-писсуаром, радикально и навсегда. Это потом появилось понятие «Текстуальная омонимия», превратившись в литературный постмодернизм. Пьющий художник без Борхеса наполовину пуст. Шутка.

Не забылся ещё «Щегол» Донны Тартт — скорее, впечатлён переводом Анастасии Завозовой. Рад, что девочки из библиотеки Югова посоветовали «Тайную историю» её же, скачал, начал. И «Маленький друг» на очереди в переводе той же вышеупомянутой Насти.

Перевод для меня очень важен, промелькнуло где-то в интервью у великого Тихомирова (Владимир Тихомиров — русский переводчик, поэт, прозаик, драматург) — переводчик должен хорошо знать один язык — свой, родной!

Лирическое отступление: в своё время был восхищён тем, что мой сын получил сто баллов по русскому языку на ЕГЭ, хотя сам знаю его на полумягкую четвёрку.

Ницше я всегда читаю как медитацию, он какими-то жи-

вительными каплями укрепляет твоё самосознание.

Хёйзинга и Леви-Стросса читаю с исключительной целью подтвердить свои домыслы о том, что искусство на заре человечества начиналось как игра, впоследствии вытесненная религией и ныне снова вернувшаяся к своему изначалию. Это, конечно, не беллетристика, а просто для упорядочивания своего хаоса в черепном хаусе.

Про поэзию. Для поддержания творческого темпа-ритма перечитываю-гуляю с «Песней о Гайавате» в непревзойдённом переводе Бунина и двигаюсь по пересечённой местности с поэмой Блока «Двенадцать», бегу марафон с «Илиадой» Гомера-Гнедича, а с Шекспиром уже не бегу, скорее, сижу, играя в шахматы, обдумывая каждый ход. Поэзия — это для подзарядки батареек.

Пушкина читаю «Домик в Коломне», он мне нужен для создания набора концептуальных и весёлых открыток «Пушкин ходит, гуляет, бродит по Кургану». Ходит-бродит по Кургану...

— Ты говорил и о музыке...

— Да, когда делал три книжки для детской филармонии и посещал три года все их концерты вкупе с посещением всех

музыкальных школ Кургана, я переродился из человека, который выключал радио при первых звуках классики, в человека, который исчезает из всех контактов раз в четыре года во время конкурса Чайковского. Всё было постепенно, как в «Болеро» Равеля, — начинается с двух робких флейт, а заканчивается громоподобным обвалом созвучий всех инструментов оркестра, постепенно и по нарастающей до расплущивания. Выше музыки только Космос. «Музыка является высшей тайной наук о человеке, над которой они бьются и которая хранит ключ от их прогресса» (К. Леви-Стросс).

— **Что важнее — форма или содержание?**

— Что важнее — кирпич или королева? Сейчас, в момент этого интервью содержание важнее, чем форма, в которую я облакаю свои мысли. Но, например, у курганского живописца Эдуарда Дудина форма — первооснова, из которой проблёскивает содержание, которое в свою очередь зависит от творческо-образной питанности зрителя.

— **Когда-то в интервью на вопрос «Считаешь ли ты себя художником?» сказал, типа, нет, а сейчас?**

— Сейчас считаю, только с оговоркой, я — художник с нетрадиционной ориентацией, цифровой. Цифровая живопись нематериальна, её нельзя пощупать. Корпишь неделю над картинкой — десятки слоёв, фактур, кистей, миллионы цветов, и — хрясь! — скачок напряжения, жёсткий диск сгорает, и нет в помине твоей цифровой живописи. Это другая нематериальная реальность, возможная при единственном условии вывода в реальный мир — распечатать.

— **Твой главный инструмент — компьютер. Пропой ему гимн.**

— Пою:

*«Оду, богиня, воспой калькулятора сыну,
тому, кто землян приравнял
Ахиллему и Зевсу.
Чествую ныне я богоподобный
процессор,
что отворяет врата для по-
знания мира иного!»*

Комп для меня — это электронный этюдник с массой инструментов, невозможных в реальном мире.

— **Говорят, ты хотел бы переименовать некоторые улицы Кургана. Почему? И чьи имена тебе так дороги?**

— Люди, общение с которыми сделало меня сегодняшнего, и нового общения с ними мне не хватает, вот они: я бы пробежался по улице Бориса Карсонова (бывшая Красина), добрёл бы до улицы Веселова (бывшая Володарского), съездил бы на улицу Владимира Чалого (бывшая Перова), прогулялся бы по аллее Александра Базарова, прошёлся бы по Детскому парку имени Анатолия Львова, посидел бы в сквере Виктора Бухрова. Но это всё, наверное, в следующей жизни.

— **Напоследок банально спрошу про твоё кредо и мечту.**

— Как говорится: креду кредово. Но лучше Пастернака никто не сказал: «И творчество, и чудотворство». Аллитерируя в одной строчке всего два слова, он приравнивает художника к Демиургу.

— **А мечта?**

— Отлить свой «колокол». Помнишь как Бориска у Тарковского в «Андрее Рублеве» делал колокол, не зная секрета (секрет отец в могилу унёс), но у него получилось, и тот мощно зазвучал. У меня пока дзинькают валдайские колокольчики.

— **Ну, звони!..**

Светлана
Кулакова

Светлана Ивановна Кулакова родилась в 1964 году в Кургане. Искусствовед, музейный специалист, куратор художественных выставок. Член Союза художников России с 2000 года; член правления КРО ВТОО «СХР» с 2016 года. Член АИС (Ассоциация искусствоведов России) с 2010 года. С 1985 года работает в Курганском областном художественном музее. В настоящее время — в должности ведущего научного сотрудника. Лауреат Областной молодежной премии (1995), почётной губернаторской премии в составе редколлекции журнала «Музей и мы» (2001), Областной премии в области культуры и искусства в составе творческой группы (2008).

«МЕТАКУРГАН» ЮРИЯ ПРОЖОГИ

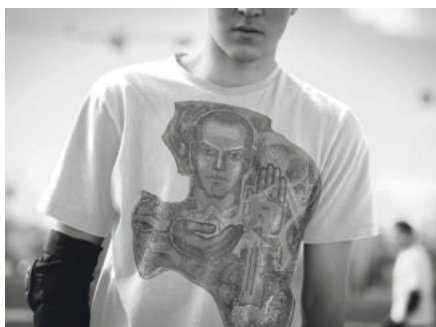
Заметки искусствоведа

Всё-таки как много в осуществлении задуманного зависит уже от самого названия проекта! Как говорится, «как вы лодку назовете, так она и поплывет». Дизайнерский проект Юрия Прожоги «Метакурган» уже успешно воплощается в жизнь. А его лаконичное и емкое название позволяет широко и интересно интерпретировать все, что появляется из-под «бойкого пера» и «пальца на айпаде» этого талантливого и очень современного художника.

Метакурган. Коротенькая приставка к древнему имени нашего города, на мой взгляд, подчеркивает его архаичность и придает его образу почти космическое звучание, окружая романтическим ореолом таинственности. Сам же Юрий Прожога так поясняет смысл своего названия: «В основе названия проекта «Метакурган» лежит греческая частица «мета». Она обозначает смену состояний замкнутой системы». Да, все течет, все меняется... И наш Курган как замкнутая в пространстве и времени система постоянно испытывает метаморфозы: в архитектурном облике, менталитете, традициях и быте своих жителей. Начиная проект, Юрий Прожога ставил перед собой художественно-образовательные задачи: «в интересной рисованной форме отражать всевозможные аспекты жизни города, его истории, объекты культурного наследия, создание новой мифологии и так далее».

Весьма скромная красота городского ландшафта, невеликое множество сохранившихся памятников старинного зодчества, можно сказать, зачаточный современный архитектурный дизайн и печать неизбывного провинциализма на всем, что касается эстетического вкуса... И все же, несмотря ни на что, мы любим наш город с детства, словно оправдывая чью-то давнюю мудрость: «Самая сильная любовь — не за что-то, а вопреки всему»...

Должно быть, это же искреннее чувство и нацелило Юрия Прожого на столь масштабный творческий проект, включивший в себя не только скетчи и многodelьную компьютерную живопись и графику в виде постеров и наборов авторских открыток, но и принты на футболках, цифровые изображения на кружках и значках, календарях и магнитах, книжных закладках и спичечных этикетках. И все это посвящено нашему Кургану, старому и сегодняшнему, находящемуся в том самом промежуточном, дящемся метасостоянии, которое так любовно и образно, с неповторимыми авторскими интонациями запечатлел Юрий Прожого.

*Проект «Метакурган».
Принт на футболке*

*Проект «Метакурган».
Дизайн кружек*

Мое первое знакомство с Метакурганом получилось спонтанным и весьма неожиданным. На презентацию этого проекта в Юговке я не попала из-за привычной круговерти дел и забот в музее. Лишь в общих чертах слышала о нем от самого Юры и видела ряд опубликованных им снимков в соцсетях.

И вот просто нечаянную радость испытала этим летом, когда мне пришлось обойти пол-Кургана в поисках подарка для гостившей у меня подруги. Светкина семья уже много лет фанатеет от керамических кружек с достопримечательностями российских городов.

Коллекция кружек оккупировала уже изрядное место в их скромных апартаментах, потеснив на полках шкафов одежду и книги, и даже святая святых — безделушки, подаренные многочисленными Светкиными учениками.

Усталая, раздосадованная, что до сих пор у нас нет приличных сувениров с местным колоритом, я заглянула в прохладную прихожую бывшей усадьбы купцов Березиных, а ныне музея истории города. В глубине души теплилась надежда, что сам бог велел этому музею обзавестись достойными памятными артефактами о нашем Кургане. Видимо, оценив мой обреченно-унылый взгляд на крохотную витрину в касе с безвкусными магнитами, ее хозяйка движением фокусника извлекла откуда-то на свет божий пару кружек с рисунками. Вот тут-то я и почувствовала себя вновь маленькой девочкой, которую неожиданно осчастливили подарком — мечтой всей ее сознательной жизни.

Знакомый облик дома-музея декабристов предстал на одной из кружек обжитым и очень приветливым, во многом благодаря шутивому изображению его владельца, декабриста Михаила Михайловича Нарышкина, вышедшего на веранду в ожидании гостя. Кошка на перилах машет лапкой, повторяя приветственный жест хозяина. А вот и сам гость — пробираясь через курганские сугробы, спешит на встречу с товарищем по ссылке Николай Иванович Лорер. Об этом нам ненавязчиво сообщает в подписи к рисунку его автор — Юрий Прожога. И вот уже воображение услужливо подсказывает нам картины предстоящей встречи: литературно одаренный Лорер читает Нарышкиным свои новые стихи или играет любимые пьесы на клавинофордах хозяйки дома, а может, будучи великолепным рассказчиком, вспоминает увлекательные истории из своей жизни...

На другой кружке был запечатлен уютный заснеженный двор возле дома декабриста Розена, больше известный курганцам как Детская школа искусств по улице Советской. Не зря эта улица изначально называлась Дворянской: здесь располагались усадьбы уважаемых жителей города. И барон Андрей Евгеньевич Розен, хоть и лишенный как опальный декабрист званий и чинов, поселился на этой улице в симпатичном доме с просторным садом, уходу за которым он посвятил немало времени. Если бы не авторская надпись на кружке, мы бы, наверное, не сразу догадались, что изображенный во дворе смешной мужичок, в огромных валенках, с метлой, и есть хозяин дома, тот самый барон Розен. Жизнь в ссылке, в глухой сибирской провинции

усмирила родовую гордыню его светлости и заставила отказаться от многих аристократических привычек. К примеру, почему бы самому не разместить сугробы во дворе, вдыхая полной грудью свежий морозный воздух и заставляя быстрее бежать по жилам свою дворянскую кровь?

Этот добрый юмор художника, его почти дружеский взгляд на известных в истории города персонажей были настолько подкупающими своей почти детской непосредственностью, что, вручая обещанный подарок подруге, я с сожалением расставалась с этими чудными авторскими вещами от Юрия Прожого.

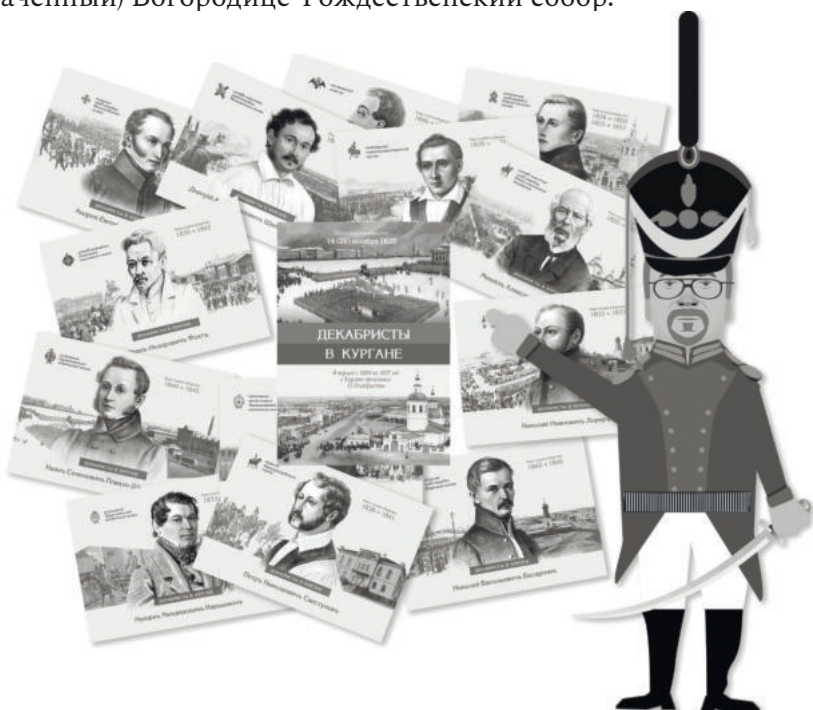

Открытки из разных тематических серий проекта «Метакурган»

И вот уже вскоре я с восторгом разглядывала и перебирала Юрины постеры и открытки из его любимого детища — проекта «Метакурган», в изобилии выставленные на продажу посетителям нашего художественного музея. Тут и серьезное просветительское издание — комплект открыток «Декабристы в Кургане», где, кроме портретных изображений декабристов, на лицевой стороне каждой открытки автор разместил фрагменты живописных и графических произведений на тему декабристского восстания, а также фрагменты снимков ста-

рого Кургана, выполненных фотографом А. И. Кочешевым на рубеже XIX–XX веков. И хотя здесь заметно несоответствие времени декабристов, думается, что наш провинциальный Курган мало изменился за полвека после того, как основная часть декабристов покинула наш город.

Весомым добавлением к историко-биографической информации на обороте открыток стали изображения фамильных гербов ряда декабристов, военной формы полков, где они служили, высоких наград за отвагу в боях и даже рисунки А. С. Пушкина (в связи с биографией В. К. Кюхельбекера) и М. Ю. Лермонтова, дружившего с декабристом В. Н. Лихаревым. Стоит отметить и представленный на открытке декабриста М. А. Назимова спроектированный им для Кургана (ныне утраченный) Богородице-Рождественский собор.

Комплект открыток «Декабристы в Кургане»

Еще один комплект открыток «Курган купеческий. XIX век» — своеобразная историческая реконструкция домовладений купеческого сословия, столь уважаемого при жизни и так много сделавшего для своих земляков и славы нашего города. За прошедшую сотню лет

почти стерлась память о благих делах курганских купцов, обветшали и их дома без рачительного хозяйского присмотра. А ведь были времена, когда они были украшением Кургана, предметом гордости их владельцев. К счастью, даже немногие сохранившиеся из них как раз и придают особое очарование и своеобразие сегодняшнему Кургану.

Юрий Прожога намеренно сохранил в своих открытках современный облик бывших купеческих домов, как немногих отреставрированных или слегка облагороженных, так и со следами разрухи от времени или от рук людей. Вместе с тем художник населил свой Курган персонажами из позапрошлого XIX века, и это смешение времен составляет, пожалуй, главную интригу комплекта. Если в некоторых открытках со стаффажными костюмированными фигурами, лошадьми с извозчиками на колясках это смешение почти незаметно, а «Дом купца Дунаева» и вовсе воспринимается как сказочный зимний пейзаж с резным деревянным чудо-теремом (ныне Детская школа искусств по ул. Климова), то в других открытках внимательному взгляду зрителя откроются многие современные детали. Это кондиционеры на фасаде торгового дома купца Марка Дунаева; вывеска Курганской телерадиокомпании и изуродованные обрубки-деревья при входе в магазин купца В. И. Окладовикова; современные железные решетки на окнах, электронное табло для бегущей строки и размашистое граффити на двери жилого дома купца Даниила Соловьева; наконец, вызвавшее столько дискуссий мозаичное изображение святого А. Невского на усадьбе купцов Березиных, появившееся буквально в прошлом году. А вот очевидцами мемориальной доски на доме городского головы Федора Шветова, установленной в 2019 году, Юрий Прожога сделал самого уважаемого Федора Васильевича и двух извозчиков. Кроме них, доску разглядывает современная семья с собачкой. Не сразу и догадаешься, кто из них гости — из будущего или из прошлого?

В этом комплекте художник еще не раз проявит свою любовь к изобразительным парадоксам и завидное чувство юмора. Например, в открытке с административным зданием винокуренного завода Д. И. Смолина предстает «оживший» памятник его владельцу, открытый в 2000-ом году, а в открытке с домом купца Дунаева зрителя приветствует лапой неведомо откуда взявшийся большой белый медведь. Волшебным новогодним настроением проникнуты зимние курганские мотивы: «Дом Федора Остапца» и «Усадьба купца Кропанина». Комплект открыток сопровождает шутливая памятка от автора с немногих неуклюжими стихами в духе ярмарочного балагана.

Еще один примечательный комплект — почтовые карточки «Герман Травников. Семь дней до Нового Года». Даже не зная, что в доме по ул. Горького, 74 проживает самый известный курганцам художник, невозможно не обратить внимание на этот дом, больше похожий на сказочный старинный замок. Жители дома напротив и просто прохожие часто могут наблюдать, как из его калитки выходят многочисленные гости, которых хозяин провожает до самых дверей, а сам он то привозит картины, то увозит. Иногда его видят с большой папкой и дорожными сумками. А еще он любит заниматься своим садом-огородом, наводить чистоту на крыльце и в маленьком уютном дворике. Вот уже много лет Герман Алексеевич дружит с Юрием Прожогой. Взаимное уважение и интерес к творчеству друг друга поддерживают обоих: одного — молодой энергией, другого — советами мастера. Оба художника наделены отменным чувством юмора и ценят его в других.

*Открытка из комплекта
«Герман Травников.
Семь дней до Нового Года»*

Сюжеты семи открыток простые, они все перечислены в коротком предисловии автора: «У народного художника много дел: нужно сходить на пленэр, почистить снег у калитки, покормить снегиря с балкона, украсить елку во дворе, встретить Деда Мороза, зажечь звезды... Восьмая открытка: Герман Алексеевич в мастерской встречает Новый год». В центре внимания автора сам дом художника с узнаваемыми деталями декора: ярким витражным окном и изображением облетающего одуванчика — своего рода визитки Германа Травникова.

Меняются лишь освещение и цветовое решение пейзажей, да занятия хозяина дома. Юрий Прожога сумел передать до боли знакомый облик художника в забавной долговязой фигурке, появляющейся во дворе своей мастерской, как всегда, в одном лишь костюме несмотря на мороз. Есть в этих открытках и новогоднее настроение, и какое-то доброе, почти детское восприятие мира, присущее как автору, так и его герою.

В открытках и постерах, посвященных Юрием современному Кургану, использовано больше разнообразных выразительных средств:

композиция в них часто динамична и фрагментарна, художник любит неожиданные ракурсы, резкие контрасты света и тени. Все это вносит в изображения интригу, рождает неожиданные образные ассоциации. В некоторых художник поднимается до философских размышлений, как, например, в пейзаже «Курган. Троицкая площадь», где разгулявшаяся метель и злая поземка, кажется, готовы смести недостроенный храм на площади, будто его никогда здесь и не было... Не обошел Юрий Прожога и темы курганских подворотен и неухоженных дворов: «Центр у нас божественно красив, но если удаляешься от центра — попадаешь в другую «эстетику», в этикие пятьдесят оттенков серого. С годами эта другая «эстетика» становится привычной, милой картинкой, в которой возникает своя внутренняя метафизическая красота. Мозг постепенно эстетизирует неблагозвучную картину». В самом деле, многие городские пейзажи в постерах художника окрашены в лирические тона и просто ностальгически красивы.

«Я особо не заморачиваюсь и работаю, как придётся: мышкой в векторах, пальцем на айпаде, традиционно тушью, пером, кистью, карандашом, углём, соусом, сангиной... et cetera.

Бывает с натуры, бывает с фотографии, бывает компиляция серии фоток, бывает, с гугл стрит вью, бывает со старых набросков, бывает, присочиняю. Главное — конечный результат», — делится секретами своей творческой кухни Юрий Прожога.

Возвращаясь к теме прожогинского юмора и его любви ко всяческому парадоксам, так ярко проявившимся в этом проекте, хотелось бы вспомнить о пресловутом и вездесущем постмодернизме, в орбиту которого включается все больше курганских художников. В отличие от многих из них, у Юрия Прожоги это получается очень органично и стильно, хотя постмодернизм — это не столько стиль, сколько мироощущение. Вот и в проекте «Метакурган» он заимствует, «цитирует» в процессе создания своих изображений фрагменты и элементы произведений других авторов: художников, скульпторов, фотографов. Однако по-своему «перефразирует» их в зависимости от цели и сюжета. Его парадоксальные сочетания несочетаемого вопреки логике времени и реальности тоже весьма уместны — на то и метафизика как внутренний движущий лейтмотив его проекта. Наконец, очень вольное, часто шутовское обращение со знаковыми персонажами, даже культовыми фигурами для наших соотечественников, не оскорбительно и не вызывает негативного восприятия. Напротив, хрестоматийные, подчас уже «забронзовевшие» исторические личности

становятся человечнее и ближе нам, вызывая теплые дружеские чувства и улыбки. Это касается, прежде всего, серий «Пушкин бродит по Кургану» и «Декабристы-оптимисты». Просто замечательные откровения художника — добрые, веселые, оригинальные и неподражаемые!

Открытка из серии
«Пушкин бродит по Кургану»

Идеи, одна интересней другой, теснятся в воображении неутомимого на выдумки художника. «Мозаики Кургана», которые отрисовываю в векторной программе и параллельно рисую как живописец, отразят всё монументальное богатство города и скрупулёзно точно и с графичными живыми дублями. «Курганъ. Амальгама времени» — переработанные и отрисованные старые дагерротипы с видами Кургана. «Курган купеческий» — некая переключка времён, где ныне существующие постройки помещаются в антураж прошлого. «Градостроительный ансамбль центральной площади города Кургана» — отразит неоклассическую архитектуру центра. «Азбука Кургана» — графический алфавит города. «Курган хтонический» — этакая сермяга. Когда говорят «русская хтонь», обычно имеют в виду грязь, разруху и уныние. Но в живописном виде это становится, кроме слепка времени, ещё и образом, постепенно уходящим. «Пушкин бродит по Кургану» — весёлая история приключений Пушкина в Кургане, который приехал в гости к Кюхельбекеру и заодно гуляет по городу, попадая в различные передряги. «Курган, который был» — «Звёздный», «Родина», «Прогресс», старая филармония, трактор у планетария, костёр у Детского парка, «сковорода» в горсаду, пароходы на Тоболе, катамараны на Битёвке... «Двенадцать башен Кургана» — 3D-дизайн городских башен. «Декабристы-оптимисты» — забавные оптимистичные истории, связанные с каждым бедолагой, отбывавшим ссылку в этом месте. «Ребятам-курганятам» — мои курганские воспоминания детства в картинках: мультавтобус в Детском парке, катание на льдинах, прыжки с тарзанки, «Зарница» в ЦПКиО, игры на гаражах и стройках...

Словом, в ближайшие два года намерен по существующим эскизам воплотить двадцать тематических идей, сформировав всеаспектный

многоликий всеохватный во времени и пространстве облик города для любых слоёв публики. Это долгосрочная перспектива», — делится своими планами Юрий Прожого.

«Метакурган» — поистине мегапроект! В продолжение космических ассоциаций с его названием хочется выразить надежду, что со временем наш Курган превратится в настоящую метagalaxy, а не останется каким-то НЛО на метароссийских мегапросторах. И, безусловно, художественно-образовательный проект Юрия Прожого сыграет в этом процессе просто неопределимую роль.

P.S. Пока писалась эта статья, пришло радостное известие. Три набора открыток Юрия Прожого: «Декабристы в Кургане», «Курган купеческий. XIX век» и «Герман Травников. Семь дней до Нового года», — стали финалистами окружного этапа Всероссийского конкурса «Туристический сувенир» — Большой Урал 2021, проходившего 22-23 октября в Екатеринбурге. Два набора заняли призовые места: открытки с Травниковым — 1-е место в категории «Сувенир музея» и открытки с декабристами — 2-е место в этой же категории. Обе серии посвящены, соответственно, Курганскому областному художественному музею им. Г. А. Травникова и Дому-музею декабристов в Кургане. Эти открытки получили право на участие в общенациональном финале Всероссийского конкурса «Туристический сувенир», который пройдет 10–12 декабря в Саранске. Поздравляем Юрия и желаем ему новых творческих побед и проектов!

Людмила Евгеньевна Дорофеева

Директор муниципального бюджетного учреждения культуры «Библиотечная информационная система города Кургана», заслуженный работник культуры Российской Федерации, почётный гражданин города Кургана.

В 1976 году, после окончания Восточно-Сибирского государственного института культуры, по распределению приехала в город Курган. С 1986 года возглавляет библиотечную систему города Кургана. Ведет масштабную общественную работу, в 1990-х годах была избрана депутатом городского Совета народных депутатов, в 2004-2019 годах — депутатом Курганской городской Думы.

Под её руководством внедряются современные библиотечные технологии, городские библиотеки становятся культурно-информационными центрами в микрорайонах, предоставляют горожанам доступ в Интернет, к государственным и муниципальным электронным ресурсам. В сферу профессиональных интересов Л. Е. Дорофеевой также входят популяризация книги и чтения, в том числе через Ассоциацию библиотекарей города, основателем которой Людмила Евгеньевна стала в 1990 году, появлением в городе модельных библиотек нового типа.

Вдохновитель создания муниципальной программы «Любимый город» и заместитель председателя рабочей группы по реализации этого масштабного проекта. В рамках программы не только благоустраиваются городские территории, сохраняются исторические ценности и реализуются значимые для города проекты. По инициативе Людмилы Евгеньевны создан Туристско-информационный центр города, реализуется издательский проект «Детям о Кургане», в котором вышло уже 12 книг.

Ирина Максимовна Жукова

Кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и литературы Гуманитарного института Курганского государственного университета

С отличием окончила факультет русского языка и литературы Курганского государственного педагогического института, аспирантуру Московского педагогического государственного университета. Работает в КГПИ-КГУ с 1991 года. В 1998 году защитила кандидатскую диссертацию «История русской октавы» по специальности «Русская литература». Прошла все ступени педагогической «лестницы»: учитель русского языка и литературы, ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры литературы, заведующий кафедрой «Истории литературы и фольклора», декан филологического факультета.

В 2013 году И. М. Жукова и Н. К. Нежданова стали лауреатами премии Губернатора Курганской области в сфере науки, техники и инновационной дея-

тельности в номинации «Гуманитарные науки» за монографию «Образы пространства и времени русской поэзии XIX-XX веков». В 2014 году принимала участие в семинаре-совещании с заведующими кафедрами русского языка и литературы вузов Российской Федерации под эгидой Администрации Президента и Управления Президента Российской Федерации по общественным проектам.

Стремится жить «в разные стороны»: дом, работа, музей, филармония, библиотека, театр, спортзал. Любимая цитата: «Желание — тысяча возможностей, нежелание — тысяча причин».

Светлана Ивановна Кулакова

Искусствовед, музейный специалист, куратор художественных выставок.

Член СХ России с 2000 года; член правления КРО ВТОО «СХР» с 2016 года, член АИС (Ассоциация искусствоведов России) с 2010 года.

Родилась 23 июля 1964 году в Кургане. Окончила Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Российской АХ (1987–1994) по специальности «Искусствоведение».

С 1985 года работает в Курганском областном художественном музее. В настоящее время — в должности ведущего научного сотрудника.

За годы работы в музее С. И. Кулакова была куратором более 100 групповых, персональных, концептуальных и тематических выставок, автором сценариев и ведущей ряда ТВ-передач и фильмов о курганских художниках. В её искусствоведческом багаже более 250 научных и научно-популярных публикаций по творчеству художников Зауралья, собранию Курганского областного художественного музея, проблемам современного искусства.

В начале 2000-х годов входила в состав редколлегии научно-популярного журнала «Музей и мы» (Курган), является членом редколлегии литературно-публицистического альманаха «Тобол». Лауреат Областной молодежной премии (1995), поощрительной губернаторской премии в составе редколлегии журнала «Музей и мы» (2001), Областной премии в области культуры и искусства в составе творческой группы (2008).

Валерий Иванович Портнягин

Журналист, поэт, публицист, критик. Член Союза писателей России.

Родился 21 апреля 1946 года в городе Кургане. В 1966 году поступил на филологический факультет Курганского государственного педагогического института. На

третьем курсе института перешёл на заочную форму обучения и работал в «Молодом ленинце», где прошел путь от младшего литсотрудника до заместителя редактора. В разные годы работал корреспондентом, специальным корреспондентом, заведующим отделом культуры областной газеты «Советское Зауралье», переименованной впоследствии в «Новый мир», редактором независимой газеты «Зауралье», в течение 4 лет (с 2007 по 2011 гг.) был редактором литературно-художественного альманаха «Тобол». Создавал, в 1991 году, дважды возглавлял и продолжает сотрудничать с городской газетой «Курган и курганцы».

Печатался во многих московских газетах, журналах «Огонёк», «Журналист»; «Урал», «Факс» (Екатеринбург), «Нива» (Казахстан). Тесно сотрудничал с газетой «Комсомольская правда», с информационными агентствами, в том числе ИТАР-ТАСС. Лауреат Всесоюзной и Всероссийской журналистских премий, областной журналистской премии имени Я. Пурица, премии имени Ю. В. Хлямова, городской премии «Признание». Награждён памятной медалью в честь 100-летия Михаила Шолохова, Почётным знаком Союза журналистов России «За заслуги перед журналистикой», знаком «Отличник печати Зауралья», знаком «Золотая акула» как лучший журналист печатных СМИ Урала. Его биография представлена в энциклопедии «Журналисты России. XX-XXI».

Автор сборников «Провинциальный летописец и другие» (2011), «Словарный запас» (2016) и «Сомнения» (2021), а также является составителем и редактором нескольких книг: «Газета. Люди. Жизнь», «Ветер времён», «Живое слово» Леонида Куликова и др.

Татьяна Николаевна Прокопьева

Начальник управления массовых коммуникаций и общественных отношений Администрации города Кургана, член регионального Союза журналистов России.

Родилась 1 мая 1979 года в городе Кургане. В 2002 году с отличием окончила филологический факультет Курганского государственного университета по специальности «Филология».

С 2010 года работает в пресс-службе Главы города (ранее — управление по информационной политике и связям с общественностью, ныне — управление массовых коммуникаций и общественных отношений Администрации города Кургана). Прошла путь от простого специалиста до начальника управления.

В 2012 году принята в региональное отделение Союза журналистов России. Совмещает управленческую работу с творческой. Пишет материалы на сайт, ведёт социальные сети, участвует в написании статей о городе для окружных и федеральных изданий, в создании имиджевой фото- и видеопродукции о Кургане.

Материалы Татьяны Прокопьевой постоянно публикуются на страницах городской газеты «Курган и курганцы».

Александр Владимирович Рухлов

Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России. Председатель Курганского регионального отделения Совета молодых литераторов при Союзе писателей России.

Родился в городе Кургане в 1988 году. Учился на филологическом факультете Курганского государственного университета, где посещал занятия студии В. Ф. Потанина. Публиковался в коллективных сборниках студии: «Следы», «Последствия», «Предчувствие», — журналах «Тобол», «Сибирский край», «Волга — XXI век», «Дон новый», «Молодая гвардия», «Наш современник», антологиях молодой литературы и поэзии «Заря» и «111». Автор двух поэтических книг: сборника стихотворений «Мосты времени» (Курган, 2010) и уличной поэмы «Шпана» (Санкт-Петербург, 2017). В 2019 году отдельным изданием вышла монография «Холст 37 на 37... Леонид Губанов: в поисках портрета» (Курган, 2019), посвящённая целостному анализу художественного мира поэта Леонида Губанова.

Владимир Иванович Филимонов

Член Союза писателей России. Редактор литературно-публицистического альманаха «Тобол».

Родился 6 февраля 1952 года в посёлке Мишкино Курганской области. В 1969 году поступил в Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище. С 1973 по 1992 годы проходил службу в Вооружённых Силах на различных должностях. В 1992 году уволен в запас, жил и работал в Белоруссии до 2002 года. Затем вернулся в Курган.

Автор книг стихов и прозы: «Все мы родом из детства» (2003), «Пора цветения» (2003), «Капельки жизни» (2004), «Доброй ранцы, Беларусь!» (2006), «Клятва» (2010), «От деревенского плетня» (2014). Владимир Филимонов является составителем двухтомника «Антологии зауральских писателей» и сборников по результатам областных литературных конкурсов.

В Союзе писателей России состоит с 2007 года. С 2008 по январь 2019 года возглавлял Курганскую областную писательскую организацию, сменив на этом посту ответственного секретаря Ивана Павловича Ягана. С 2015 года является редактором литературно-публицистического альманаха «Тобол».

МБУК «Библиотечная информационная система г. Кургана».
г. Курган, 640000, ул. Советская, 60.
cbs-kurgan.com

Подписано в печать 22.11.2021
Формат 70x100/16.
Бумага офсетная.
Гарнитурa Spectral, Myriad Pro.

Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Заказ № 4185

Отпечатано в ООО «Курганская городская типография»,
640018, Курганская обл., г. Курган, ул. Куйбышева, д. 87
kurgancityprint@mail.ru